

Ничего личного

Автор:

Татьяна Корсакова

Ничего личного

Татьяна Владимировна Корсакова

Любовь и тайна

Андрей женился на Кате назло деду, строго выполняя его условие: найти себе жену. Вот и нашел – первую встречную. Заплатил ей денег как за честную сделку и женился. В общем, ничего личного. Но чем дальше, тем больше интриговала его эта странная рыжая девушка. Какую тайну она скрывает? А ведь скрывает, это совершенно точно. Почему согласилась на его сомнительное предложение?.. Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Андрей и не заметил, как оказался в смертельной опасности.

Татьяна Корсакова

Ничего личного

© Корсакова Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Рыжая шла по кромке прибоя такой походкой и такими ногами, что Андрей Лиховцев не выдержал, вздохнул.

– Жаль, – сказал, оборачиваясь и провожая девицу тоскливым взглядом.

– Чего тебе жаль, Лихой? – спросил Семен Виноградов, для своих просто Сема, и поскреб внушительный бицепс.

Андрей не без усилий отвел взгляд от девицы, отобрал у друга бутылку с ледяной минералкой, сделал жадный глоток, поперхнулся и закашлялся. Вода выплеснулась на нагретую южным солнцем кожу, прохладными ручейками побежала по груди.

– Так жалко-то тебе чего? – Сема деликатно, но все равно весьма ощутимо врезал ему между лопаток – помог товарищу.

Андрей снова оглянулся, но рыжая уже затерялась в толпе отдыхающих, а вот сожаление и чувство несправедливости мироустройства никуда не делись.

– Вот скажи мне, друг Сема, проституция – это зло? – спросил он.

– Зависит от того, с какой стороны поглядеть. Помнится, бывали ситуации... – Сема многозначительно пошевелил бровями, видимо, намекая на деликатность и неоднозначность ситуаций. – А чего это ты озадачился? Думаешь, она того?.. – Он тоже обернулся всем своим массивным, с виду неуклюжим телом.

– Не думаю – знаю.

– И когда только успел! – Сема забрал бутылку. Воды в ней оставалось на самом дне. – Мы ж тут всего второй день, и ты вроде как вел праведный образ жизни. Или все-таки согрешил?

– Не успел.

Андрей стер со лба пот, с вождением посмотрел на опустошенную бутылку. Жажда в данный момент волновала его куда сильнее девушек. Хотя девушки – это тоже очень хорошо и даже замечательно, а особенно девушки, вырвавшиеся на пляжно-курортную волю из пыльных городов. Дочерна загорелые тела, прикрытые микроскопическими клочками ткани, а иногда и вовсе ничем не прикрытые. Призывные улыбки, многообещающие взгляды. Солнце, море,

вино, зажигательная музыка и жажда приключений. Андрей точно знал, что они с Семой не пожалеют о своем скоропалительном решении рвануть на юга. Просто нужно чуть больше времени, чтобы прийти в себя, отойти от очередной, на сей раз особо ожесточенной стычки со Стариком, забыть про их ни на секунду не угасающую неприязнь.

Он и на море-то укатил в пику Старику, да еще и Сему с собой увез. Пусть теперь повертится старый хрыч, пусть поработает в одиночку. Небось, отвык за восемь-то лет. Будет знать, как выдвигать ультиматумы.

А курорт – это здорово! Андрей за свои неполные двадцать девять еще ни разу не бывал на настоящем курорте. В детстве о море и речи не шло: не было денег, и он проводил каникулы, слоняясь день-деньской по грязным улицам сонного провинциального городка или купаясь с друзьями в мутных водах загаженной отходами химкомбината речушки. Потом, когда в его жизнь вошел Старик и твердой рукой стал эту жизнь перекраивать, у Андрея появились деньги, огромные, по его тогдашним представлениям, но исчезли свободное время и возможность распоряжаться собственной судьбой.

Нельзя сказать, что он безропотно подчинялся – отнюдь! Он бунтовал и сопротивлялся воле Старика с первого дня их знакомства, но тот всякий раз брал верх, заставлял плясать под свою дудку. А несколько дней назад Старик перегнул палку, и Андрей послал все к чертям. Нашел-таки в себе силы...

...Разговор вышел тяжелый. Да и не разговор вовсе, а так – монолог. Старик говорил, Андрей отмалчивался. Отмалчивался до тех пор, пока хватало сил. Вот только силы закончились неожиданно быстро. И он ушел. Пожелал Старику хорошего дня и свалил из офиса.

Там, в роскошном кабинете Старика, ему совсем не думалось, организму было не до дум – защититься бы, улизнуть из-под гранитного давления чужой воли целым и невредимым. Улизнул. А оказавшись на воле, Андрей вдруг понял, что подумать-то как раз нужно. О многом подумать.

Думалось, как ни странно, лучше всего в клубе с незатейливым названием «Тоска зеленая». Заведение было специфическим, нравилось не всем, но отчего-то многим. И мрачный интерьер в красно-серых тонах, и вязкая замогильная

музыка, и неприветливые официанты в черных хламидах, и Жертва, хозяин и идейный вдохновитель.

Жизнь в «Тоске» была ключом после заката солнца, а вот при свете дня Андрей оказался в клубе впервые. И не узнал. Тихо, пустынно, официантов в хламидах не видать. И только Жертва, худой, долговязый, бледнолицый, дремлет за барной стойкой.

– Стопарт водки. – Андрей уселся на стул, здороваться не стал, в «Тоске» церемонии не приветствовались.

Жертва молча кивнул, так же молча достал откуда-то из-под стойки бутылку.

– Еще один чудесный день? – спросил, наблюдая, как Андрей опрокидывает в себя рюмку.

– Поразительная наблюдательность! Ты даже не представляешь, до какой степени чудесный! – От выпитого легче не стало, но он и не надеялся на мгновенный эффект.

А Жертва уже наливал вторую рюмку.

– Работа у меня такая – наблюдать.

– Хорошая у тебя работа. Мне бы такую.

– Освободилась должность вышибалы. – Жертва растянул тонкие губы в гримасе, которая означала крайнюю степень расположения. – У тебя внешность подходящая, брутальная.

– Я подумаю. – Может, и в самом деле подумать? Жертва в роли босса – всяко лучше, чем Старик.

– Совсем хреново. – Жертва не спрашивал, он констатировал очевидное. И на вторую опустевшую рюмку посмотрел многозначительно.

– Наливай уже, – подбодрил Андрей. – Бог троицу любит.

– Может, закусь какую соорудить?

– Не надо. Мы так, без закуси.

Жертва скептически хмыкнул, налил третью рюмку и все-таки поставил на стойку тарелку с ветчиной и крошечными маринованными огурчиками. Андрей тоже хмыкнул, потянулся за огурчиком. Жертва смотрел на него грустно, со смесью сочувствия и осуждения, а потом вдруг сказал:

– Расслабиться тебе нужно, Лихой, отдохнуть по-человечески. Бери с собой телку какую-нибудь и лети в Тайланд или на Сейшелы.

Андрей задумался. Идея была хороша. Вот только лететь он не хотел, он предпочитал своим ходом, чтобы дорога черной лентой, пыль из-под колес и проносящиеся мимо километры трассы. Дорога его всегда успокаивала лучше всяких психологов. Старик однажды попробовал... с психологом. Что из этого вышло, вспоминать не хотелось.

– Мне бы в пределах страны и без телки. – Идея нравилась ему все больше и больше.

– В пределах страны я тебе организую. Есть у меня одно местечко на примете, тихое такое, почти девственное по нынешним временам. А про подружку ты все-таки подумай. – Жертва подался вперед, изогнулся над стойкой этаким горбатым мостом. – Есть у меня знакомая – с ума сойти, какая девочка! Тоже, кстати, устала от суеты, захотела к морю. – Во взгляде его, доселе тусклом и невыразительном, загорелся шальной огонь. Это было так неожиданно, что Андрей на время позабыл о собственных горестях.

– Жертва, ты никак сводничеством решил заняться на старости лет?

– Я бы сказал – сутенерством. – На бледных щеках Жертвы вспыхнул яркий румянец порока. – Она – настоящая профи! Если ты понимаешь, о чем я...

– Настоящая профи... – Разговор об ударнице секс-индустрии волновал Андрея мало, но коль уж обычно немногословный Жертва вдруг заговорил о сокровенном, следовало поддержать беседу.

– Я с ней был лишь однажды, но до конца дней своих не забуду. – Жертва со свистом втянул в себя воздух, вот как его прихватило! – Потрясающая женщина! Берет, правда, дорого и клиента выбирает сама. Если мужик ей не понравится, она с ним ни за какие деньги не пойдет.

– С принципами, значит, – усмехнулся Андрей.

– А со мной пошла! – Жертва приосанился, даже как будто в плечах шире стал. – Я ей понравился, нашла она во мне родственную душу.

– А я-то, дурак, думал, что в этом деле родство тел куда важнее. – Не хотелось пошлить, как-то само собой вышло.

– И это тоже, разумеется. Но, скажу я тебе, не каждый с ней сможет. – Жертва говорил уже едва слышно. – У нее знаешь какое амплуа?

Андрей пожал плечами.

– Садо-мазо... – выдохнул Жертва и снова вернулся к обычной своей мертвенной бледности.

– Садо-мазо – это когда кожаное белье, цепи, плетки и наручники? – И издеваться Андрей тоже не хотел, опять как-то само собой вышло.

– Это когда дисциплина, подчинение и чуть-чуть насилия. – Иронии Жертва не расслышал.

– Ясно, значит, почти как в армии. – Андрей не стал спрашивать, какую роль Жертва играл во время того незабываемого свидания. У каждого свои слабости.

– Она такая... Фигурка точеная, волосы точно медь, глаза обалдеть... Катей зовут.

– Красивое имя, царское. – Андрей как умел поддерживал беседу. – Только мне никакой Кати не нужно: ни садо, ни мазо. Я с Семой поеду. Ты мне лучше расскажи о том чудесном месте, в которое твоя медноволосая дива

отправляется. Надеюсь, там никаких извращений не будет?

– А кто здесь говорил об извращениях? – Жертва отпрянул, оскорбленно поморщился, принялся сосредоточенно полировать салфеткой столешницу. Все-таки обиделся. – Она не извращенка, она своего рода целительница... для тонко чувствующих натур. И вообще, она с тобой ни за что не захочет. Ей нравятся интеллектуалы, а не такие вот мужланы, – сказал он наконец и бросил неодобрительный взгляд на Андреевы бицепсы.

Ответить Андрей не успел, хлопнула входная дверь, в клуб ввалился Сема.

– Еще один мужлан, – хмыкнул Жертва и демонстративно отвернулся.

Мужлан Сема, сто двадцать пять кило живого веса, два метра роста и гора мышц, сощурился, привыкая к полумраку, а потом решительным шагом направился к стойке. Усевшись на соседний стул, он сбросил пиджак, ослабил узел галстука и до локтей закатал рукава рубашки. Вытатуированный на его правом предплечье дракон, казалось, ожил и едва заметно взмахнул перепончатыми крыльями. Наверное, в тысячный раз Андрей пожалел, что у него нет такого дракона.

Татуировку Сема сделал четыре года назад, когда впервые в жизни решил «культурно отдохнуть». Андрей так и не понял, почему из всех возможных туров друг выбрал поездку в Китай. Можно подумать, в его бурном прошлом было мало экзотики! Из Китая Сема вернулся спустя месяц, притихший, просветленный, с бритой наголо башкой и драконом на предплечье. Через пару недель просветленность выветрилась, волосы отросли, а вот дракон остался. Он нежно обвивал Семину руку, шевелил крыльями, шуршал изумрудной чешуей и всякий раз вызывал в душе Андрея смутные, до конца не осознанные порывы.

– Что будем пить? – вяло поинтересовался Жертва, на которого драконья магия совсем не действовала.

Сема печально посмотрел на початую бутылку водки, и на его тяжеловесном, словно топором рубленном лице отразились следы внутренней борьбы.

– Минералку. Я на службе.

– Считай, что с этого момента ты в отпуске. – Андрей забросил в рот еще один огурчик. – Завтра едем на юга.

– Босс в курсе? – во взгляде друга появилось обоснованное сомнение.

– С боссом я сам разберусь.

Андрей очень сомневался, что Старика обрадует перспектива остаться еще и без начальника службы безопасности, но... сам виноват.

– Когда летим? – Его бесконечные стычки со Стариком Сему изрядно напрягали, но в этом противостоянии он неизменно принимал сторону друга.

– Не летим, а едем. На машине!

Новый внедорожник – по-мужски угловатый, грозный, мощный – прочно занял почетное второе место в списке любимых Андреевых игрушек, уступая пальму первенства лишь мотоциклу. Черная, как сама ночь, «Хонда», по-женски стремительная и в чем-то даже коварная, была для Андрея не просто транспортным средством, он относился к ней с трепетом, холил и лелеял, еженедельно полировал ее стальные бока, кормил самым дорогим бензином, выгуливал. «Хонда» любила ночные прогулки по пустынным автотрассам. И Андрей их тоже любил. Восторженный рев мотора, бешеная скорость, ныряющая под колеса разделительная полоса... Они становились единым целым, и это чувство единения с железным зверем пьянило сильнее любого алкоголя. Сема, лучший друг и соратник, увлечение одобрял целиком и полностью. И довольно часто по ночному шоссе, обгоняя ветер и друг друга, мчались два мотоциклиста: Андрей на своей «Хонде» и Сема на здоровенном «Харлее».

– А куда? – вывел его из задумчивости голос Семы.

– Вот сейчас у Жертвы и узнаем.

Жертва, оскорбленный Андреевой черствостью, какое-то время хранил молчание, но все-таки заговорил, озвучил координаты и адрес райского местечка, в котором любят отдыхать рыжеволосые жрицы любви и уставшие от бизнес-войн крутые парни, и даже телефон хозяина подкинул. Хозяин, кстати,

оказался кузеном Жертвы, и Андрей начал подозревать, что человеколюбие в данном конкретном случае идет рука об руку со сребролюбием. Свой процент от сделки предприимчивый Жертва непременно поимеет.

Но Жертва не подвел. Рекомендованный им пансионат действительно оказался райским местом, причем, как ни странно, довольно уединенным. До ближайшего населенного пункта, маленького, изнемогающего от жары и нашествия отдыхающих, – десять километров, зато море – вот оно, рукой подать! Белый песок, прозрачная вода – красотища!

Пансионат им понравился. Зелено, уютно, комфортно. Домик-бунгало прятался за какими-то цветущими и благоухающими кустами, создававшими иллюзию уединенности. В бунгало имелся весь необходимый набор удобств и излишеств, начиная с кондиционера и заканчивая баром. Мебель была без затей, но новой и вполне удобной. Сема тут же рухнул на одну из кроватей, вытянулся во весь свой двухметровый рост, блаженно закрыл глаза.

– Устал. Спать хочу, – сказал, зевая во всю пасть. – Хочу и буду, – добавил с нажимом.

– А море? – спросил Андрей. – Как можно спать, когда на море не побывал?

– Что мне море! Я, если хочешь знать, океан видел.

– А я вот океан не видел. Стыдно сказать, почти до тридцати лет дожил, и вот так...

Ему не то чтобы было так уж стыдно – скорее странно. И к морю хотелось нестерпимо. Выспаться всегда успеет.

– Ну так сходи, посмотри, если стыдно. – Сема снова зевнул. – А я пока посплю.

К вожделенному морю Андрей шел не спеша, аккуратно обходя жарящиеся на солнце тела. Ему хотелось побежать, плюхнуться с разгону в воду, как это делают мальчишки. Ведь море же! Настоящее море! Но он уже не ребенок. Он крутой бизнесмен, солидный мужик и должен сдерживать эмоции. И еще где-

то глубоко в душе жила уверенность, что стоит только проявить поспешность, как кто-нибудь обязательно догадается, что за свою почти тридцатилетнюю жизнь он, крутой бизнесмен и солидный мужик, ни разу не был на курорте. В самом деле, неловко...

Море оправдало все его ожидания: оно оказалось огромным, пахло йодом и водорослями. Даже на вкус оно было именно таким, каким Андрей его себе и представлял – горько-соленым. Жаль только, слишком много народу вокруг, слишком мало простора. Ему не хотелось делиться морем с этими незнакомцами, хотелось единоличного обладания. Значит, придется искать более уединенное место.

А за ужином Андрей увидел медноволосую диву Катерину. Девушка была хороша, Жертва и тут не обманул. Конечно, не писаная красавица, но с изюминкой. И фигура – то, что надо, и волосы – густые, длинные, не то светло-каштановые, не то темно-рыжие. Цвет глаз Андрею разглядеть не удалось, но он почти не сомневался, что они зеленые. У рыжих женщин должны быть зеленые глаза – это закон природы. И на имя Катерины она отзывалась. Андрей собственными ушами слышал, как ее соседка, дебелая, пышнотелая блондинка, называла рыжую Катюшей.

Значит, вот она какая – женщина, покорившая черствое сердце Жертвы, профессионалка, превращающая порок в твердую валюту. А может, все-таки стоит познакомиться, расширить, так сказать, горизонты? Садо-мазо – это тебе не хухры-мухры. Нужно же когда-нибудь и к извращениям приобщиться.

Почему-то, несмотря на заверения Жертвы, что дива предпочитает утонченных интеллектуалов, у Андрея не возникло и тени сомнений, что ему не откажут, нужно лишь предложить правильную цену. Своя цена есть у любой женщины, это он усвоил хорошо.

* * *

Тип был нахальный и самоуверенный. Смотрел прямо в глаза с этакой кривоватой ухмылкой, от которой по коже, несмотря на жару, бежала ледяная поземка. Или причина не в ухмылке, а во взгляде – каком-то волчьем, исподлобья? И лицо... век бы не видеть таких лиц! Смуглое, несимметричное из-за пересекающего левую щеку шрама, сизое от пробивающейся щетины.

А башка, наоборот, выбрита наголо, кстати, куда более тщательно, чем подбородок и щеки. Браток, решивший отдохнуть от трудов праведных, но не понимающий, как должно отдыхать нормальным людям. Дикарь... Ну и черт с ним! Пусть смотрит, с нее не убудет. Катя улыбнулась братку холодно-снисходительной улыбкой и отключилась.

Она давно обнаружила в себе замечательную способность абстрагироваться, возводить невидимый барьер между собой и окружающими. При ее профессии эта способность была просто жизненно необходима. Иначе – край, иначе рано или поздно можно стать такой же, как те несчастные, с которыми приходится иметь дело.

Свой выбор она сделала сама. Ее никто не заставлял. Наоборот, Лиза пыталась отговорить, переубедить, потому что лучше, чем кто бы то ни было, понимала, чего стоит сестре это решение. Но Катя поступила так, как считала правильным. Отвращение и неприятие отходят на задний план, когда дело касается денег. А деньги ей нужны, даже жизненно необходимы. Вернее, не ей, а Дениске, четырехлетнему Лизину сыну. И пока проблема не решится – а она уже почти решилась! – Катя работу не сменит и будет общаться с людьми, которые иногда и не люди вовсе. А с отвращением она как-нибудь справится, чай, не кисейная барышня.

Дениска болел с самого рождения, с первых дней жизни. Врожденный порок сердца у ребенка – диагноз, который заставляет взрослых бояться будущего, радоваться каждому прожитому дню, сжимать кулаки от бессилия и все равно надеяться. У Дениски порок был очень серьезный, неоперабельный. То есть операбельный, но за границей. Катя специально узнавала, наводила справки, уточняла суммы. Суммы получались неподъемные. Почти. Потому что они с Лизой справились! Продали оставшуюся после смерти родителей однокомнатную квартиру в спальном районе, переселились в съемную «однушку» у черта на куличках, кое-чего подкопили и собрали-таки необходимую для операции сумму. И это было такое счастье! И билеты у Лизы уже на руках, и госпитализация согласована.

Катя тоже полетела бы в Германию – поддержать, помочь сестре и племяннику, если бы не расходы – на поездку для троих денег уже не хватало. И Катя поехала в отпуск, первый полноценный отпуск за последние три года.

Путевка досталась ей совершенно случайно, хоть Лиза и считала, что вполне заслуженно, выпала таким вот неожиданным выигрышем. Сначала Катя не поверила. Какой еще выигрыш, когда в азартных играх ей отродясь не везло! Она всего лишь позвонила на местную радиостанцию, чтобы заказать поздравление на день рождения Дениски. А на радиостанции разыгрывали путевку, одну-единственную, предоставленную каким-то неведомым Кате туроператором. И путевка от доселе неведомого туроператора в доселе неведомый, но весьма комфортабельный приморский пансионат досталась ей. Убедившись, что происходящее не розыгрыш, Катя попыталась обменять путевку на деньги. Деньги всяко нужнее какого-то глупого отдыха!

Не получилось. Путевка оказалась вполне реальной, обмену на деньги не подлежала и требовала от Кати принятия быстрого решения. Решение за нее приняла Лиза.

– Катя, ты едешь на море! – сказала и нахмурилась, предвосхищая все возможные возражения. – У нас с Денисом все готово, билеты куплены, до нашего отъезда ты успеешь вернуться.

И Катя поехала!

Пансионат и в самом деле оказался хорошим, вот только обещанный в агентстве номер-люкс оказался занят, и Катю поселили с Марьей...

Одной, конечно, было бы лучше, по крайней мере, спокойнее, но Катя помнила про дареного коня и в зубы ему заглядывать не спешила. Соседка – это еще не самое большое зло. По крайней мере, ей так показалось в первые минуты знакомства.

А потом Марья заговорила и, кажется, больше не замолкала. Всего за какую-то четверть часа она успела поведать Кате всю свою биографию, рассказать о нелегкой бабьей доле, о том, что муж-негодяй после шести лет жизни душа в душу вдруг совершенно внезапно ушел к молодой вертихвостке, у которой ни кожи, ни рожи, ни образования. О том, что в свои тридцать она осталась одна-одинешенька и твердо решила начать жизнь с чистого листа: перекрасилась в блондинку, сделала модную стрижку, потратила последние деньги на новый гардероб. О том, как однажды ночью ее посетила шальная

мысль поехать на курорт, развеяться, себя показать, других посмотреть – одним словом, отомстить бывшему единственным доступным ей способом, закрутив курортный роман.

Страстное желание соседки обзавестись кавалером, а если очень повезет, то и супругом, Катя понимала, хотя сама к курортным романам относилась крайне скептически и в любовь с первого взгляда не верила, но разубеждать Марью не стала. В конце концов, каждый человек имеет право на заблуждение, и с чего бы ей, Кате, вмешиваться в чужую жизнь?! Хочется Марье кокетничать, носить короткие юбки и маечки на босу грудь пятого размера – и пусть носит! Хочется ей большой и чистой любви – и пожалуйста! А Кате пора на пляж, к морю!

В два часа дня на пляже было нестерпимо жарко, и Катя пожалела, что не захватила с собой шляпу. Девушка, в отличие от большинства рыжих, хорошо загорала и практически никогда не страдала от солнечных ожогов. Но это дома, в умеренных широтах, а здесь, на юге, кто его знает! С запоздалым страхом она подумала, что под безжалостным южным солнцем ненавистных веснушек, и без того многочисленных, станет еще больше. Радость от встречи с морем слегка поблекла, но ненадолго, до того самого момента, пока Катя не вошла в прохладную, пахнущую йодом и солью воду.

Минут через сорок уставшая, но счастливая Катя выбралась на берег и рухнула на обжигающе горячий песок. Хорошо-то как! Море – это тебе не речка и уж тем более не бассейн. Море – это простор и свобода!

Катя любила плавать. Наверное, в прошлой жизни она была уткой. Во всяком случае, так утверждала Лиза. Плаванием Катя занималась с четырех лет, профессионально занималась. Она подавала надежды, и если бы не травма позвоночника, случившаяся десять лет назад, то, возможно, сейчас ее профессиональная жизнь могла бы сложиться совсем иначе. А так с большим спортом пришлось расстаться, но бассейн Катя посещала регулярно. Отчасти для того, чтобы поддерживать в тонусе мышцы травмированной спины, отчасти ради собственного удовольствия. Вот как сейчас. Надо только поискать место потише, чтобы можно было не только поплавать, но и спокойно позагорать.

* * *

– Слушай, Лихой, а ты Старику-то хоть раз звонил после того, как мы отчалили? – спросил Сема.

– Не звонил. – Андрей мотнул головой.

Они шли по берегу, все больше удаляясь от шумного пансионатского пляжа. Несмотря на Семины протесты, Андрей решил поискать «место под солнцем» подальше от галдящей толпы отдыхающих. Они прошли уже, наверное, с километр, когда он с удовлетворением заметил, что пляж становится все более пустынным. Все чаще им попадались не шумные компании, а ищущие уединения парочки и одиночки, загорающие почти голяком.

Увидев фигуристую бронзовотелую девицу, залегшую недалеко от воды, Сема восторженно присвистнул и заметно приободрился. Девица одарила их томным взглядом и неспешно перевернулась со спины на живот, демонстрируя дочерна загорелые ягодицы. Сема замедлил шаг, сказал восхищенно:

– Ты посмотри, Лихой, какая женщина! Богиня! Тело-то, тело какое!

Андрей кивнул, но без особого энтузиазма. Он приветствовал определенную пышность дамских форм, но в данном случае имелся явный перебор.

– Знаешь, Лихой, – замедлил шаг Сема, – ты иди и никуда не сворачивай, а я тебя догоню... потом. Пойду, попрошаю, не нужно ли даме чего. Ну, там спинку кремом помазать...

– Ну, походи, спроси, – разрешил Андрей.

Наверное, богиня приняла ухаживания Семы благосклонно. Во всяком случае, возмущенных воплей Андрей не услышал. Он прошел еще метров тридцать, а потом не выдержал, обернулся, чтобы увидеть, как друг, высунув язык от усердия, намазывает спину богини кремом для загара. Больше он оборачиваться не стал, от греха подальше.

Андрей неспешно брел по влажному песку и думал, что крути не крути, а Старику позвонить придется. Сегодня утром уже состоялся разговор с Егором Силантьевым, любимчиком и одним из ставленников Старика. И разговор этот

оказался совсем неоптимистичным.

Старик был в бешенстве, несмотря на то что Егор пытался сгладить углы. Вот только на сей раз не слишком успешно. Увы-увы... А если кто и мог повлиять на Старика, так только Егор. Во всяком случае, Андрею так казалось. Силантьев так же, как и он сам, был выкормышем Старика, но, в отличие от Андрея, всегда оправдывал ожидания. В душе Андрей Силантьевым даже восхищался, хоть и считал скучным педантом. Егор был немногим старше его, но умудрялся выглядеть презентабельно и солидно, несмотря на тщедушное телосложение и невзрачную физию. Строгие костюмы, шелковые галстуки, туфли ручной работы, часы от Картье, очки в золотой оправе или и вовсе без оправы, модный парфюм – все очень дорогое, качественное, тщательно подобранное по цвету и стилю и, на взгляд Андрея, невообразимо скучное. Сам он следовал правилам и этикету лишь в исключительных случаях, а в деловом костюме чувствовал себя крайне некомфортно, точно закованным в средневековые латы. Силантьев же ходил в таком виде ежедневно, и Андрей ни разу не видел, чтобы верхняя пуговица его идеально отутюженной сорочки была расстегнута. Так же основательно и скрупулезно Силантьев относился не только к выбору одежды, но и ко всему, за что брался. Он был настоящим профессионалом, грамотным и расторопным, но, как ни странно, лишенным всякой амбициозности. И товарищем он оказался хорошим, Андрей неоднократно в этом убеждался. Только Силантьеву удавалось гасить вспышки гнева Старика и худо-бедно урегулировать его, мягко говоря, непростые отношения с Андреем. И если уж Силантьев говорит, что дело – труба, значит, так оно и есть. Старик готов привести приговор в исполнение...

Андрей невесело усмехнулся. Они со Стариком были знакомы уже пятнадцать лет, и все эти годы тот поступал с Андреем как с куском глины, неспешно, но неотвратимо вылепливая из него то, что считал нужным. Он и относился к Андрею как к куску глины – сырому и не очень качественному материалу. Кто же станет интересоваться у глины, чем она хочет стать?..

* * *

...Отца своего Андрюха никогда не видел. Сначала, когда мать почти не пила, она говорила, что отец – летчик-испытатель, погибший при исполнении боевого задания, и шестилетний Андрюха верил ей безоговорочно. Когда ему исполнилось десять, мама уже пила и в редкие моменты просветления называла

отца подлюкой, негодяем и желала ему скорейшей смерти, из чего Андрюха сделал вывод, что отец его все-таки жив, а не погиб «при исполнении». Мысль, что у него есть папка, гвоздем засела в мозгу. А к двенадцати годам, когда мама окончательно спилась, желание отыскать отца стало для Андрюхи навязчивой идеей. Ночами, лежа на грязном, дурно пахнущем тюфяке и уставившись воспаленными от бессонницы и сигаретного дыма глазами в потолок, он, горький двоечник, закоренелый хулиган и бич божий, предавался мечтам светлым и радужным, не имеющим абсолютно ничего общего с серой, пахнущей перегаром и блевотиной действительностью.

В этих мечтах отец по-прежнему оставался героем летчиком-испытателем, а не негодяем и подонком. В этих мечтах отец не подозревал об Андрюхином существовании, а когда открывалась правда, прилетал за ним прямо на боевом самолете и забирал с собой в другую, счастливую жизнь. Потом, уже вдвоем с отцом, они уговаривали маму бросить пить. И мама бросала, потому что очень их любила и ради них готова была на что угодно. А потом они жили все вместе, долго и счастливо...

Наверное, директор школы, в которой учился Андрюха, очень удивился бы, узнай вдруг об этих мечтах. И инспектор по делам несовершеннолетних, и главарь местной шпаны Лазарь, и Леночка Колесникова, первая красавица класса, тоже удивились бы. У такого конченого человека, как Андрюха Лиховцев, хулигана, грубияна, прогульщика и потенциального уголовника, просто не могло быть подобных светлых мыслей. Впрочем, о своих мечтах Андрюха никому никогда не рассказывал и предавался им лишь глубокой ночью, когда и директор школы, и инспектор по делам несовершеннолетних, и Лазарь, и Леночка Колесникова, и мама с очередным сожителем крепко спали.

Если не принимать во внимание эту маленькую слабость, Андрюха считал себя человеком солидным и удачливым. В иерархии дворовой шпаны он удерживал почетное четвертое место, что было очень нелегко, учитывая его возраст. Лазарю стукнуло уже семнадцать, а всем его «замам» – по пятнадцать-шестнадцать, и только Андрюха в свои неполных четырнадцать удостоился невиданной чести. Он дрался с отчаянным остервенением, неплохо владел самодельными нунчаками и в бесконечных уличных стычках оказывался незаменимым бойцом. Однажды в особо ожесточенной схватке с пацанами из соседнего района, когда силы оказались неравны и почти все его «братья по оружию» с позором бежали, Андрюхе довелось сражаться плечом к плечу с самим Лазарем.

В той незабываемой стычке оба сильно пострадали. Андрюхе куском арматуры вспороли плечо – рана потом долго болела и даже гноилась, – а Лазарю сломали нос. Тогда им тоже пришлось отступить, но это было достойное отступление, а не трусливое бегство. Именно с того момента Лазарь стал выделять отчаянного салагу. С того момента началось стремительное восхождение Андрюхи по дворовой иерархической лестнице.

Он был бесстрашным, расчетливым и неглупым. Он отчетливо видел свои дальнейшие перспективы. Уличная банда – это всего лишь трамплин. Андрюха не собирался уподобляться Лазарю и становиться хулиганом-переростком. Он знал, что есть и другие пути. Он внимательно присматривался к накачанным, коротко стриженным ребятам в черных кожаных куртках, разъезжающим на иномарках. Сначала он станет одним из них, потом – одним из тех, кто ими руководит. А потом...

Так далеко Андрюха не загадывал. Идти к цели нужно поэтапно, если повезет, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. А пока... пока Андрюха довольствовался четвертым местом в дворовой банде.

Банда промышляла мелким воровством, а Лазарь, помимо всего прочего, приторговывал травкой. У Андрюхи всегда водились карманные деньги, немалые для тринадцатилетнего пацана. Средства, в отличие от своих товарищей, он тратил с умом – собирал, откладывал, а потом покупал что-нибудь на самом деле нужное. Например, одежду.

Нормальной одежды у него, считай, и не было. Выцветшая куртка, из которой он вырос год назад, – на осень и зиму. Старые, латаные-перелатанные брюки, несколько футболок и растянутый вязаный свитер – на весну и лето. Но хуже всего дела обстояли с обувью. Андрюхины ноги росли катастрофически быстро, и почти новые ботинки, которые мама купила ему полгода назад в один из своих редких светлых периодов, теперь немилосердно жали. Поэтому, когда у него появились деньги, Андрюха первым делом купил себе кеды. На что-то более основательное собранной суммы не хватило. Собственно говоря, кеды и определили его будущий стиль. Андрюха решил, что к спортивной обуви нужна соответствующая одежда, и вторым его приобретением стал спортивный костюм. Костюм был дешевый, в жару в нем оказалось душно, в мороз – холодно. Но зато он был новым и очень красивым.

А потом Андрюха прикупил джинсы, несколько футболок и начал копить деньги на кожаную куртку. До осуществления мечты оставалось совсем чуть-чуть, когда его планы спутала Леночка Колесникова, девочка из другого, неведомого Андрюхе мира, мира, где есть папа и мама, где в холодильнике полно еды, а простыни чистые и хрустящие, где тебя все любят и ты всем нужен. За этим волшебным миром Андрюха наблюдал со стороны с презрительной усмешкой и затаенной, упрямой далеко-далеко завистью. Он убеждал себя, что ему наплевать на всю эту обывательскую ерунду, что он ничуть не хуже чистеньких, прилизанных мальчиков и девочек из другого мира, что его жизнь гораздо интереснее и романтичнее их скучного существования, но в глубине души понимал, что их скучное существование правильнее и естественнее, чем его помоечная романтика. И от этого Андрюха становился еще злее и все дальше – хотя куда уж дальше! – отдалялся от своих благополучных сверстников.

Леночка Колесникова была его тайной любовью. С некоторых пор мечты о ней даже потеснили мечты об отце, но Андрюха трезво оценивал ситуацию и понимал, что у него нет ни единого шанса. Леночкина семья была не просто благополучной, а суперблагополучной. Мама – заведующая ГОРОНО. Отец – директор химкомбината. Поэтому Леночка общалась только с самыми-самыми: самыми умными, самыми красивыми, самыми перспективными. У нее был свой круг друзей, и Андрюхе Лиховцеву путь туда казался заказан. До недавнего времени...

Андрюха хорошо запомнил тот осенний день, когда Леночка отделилась от группы глупо хихикающих подружек и неспешным шагом направилась в его сторону. Он едва удержался от желания оглянуться, посмотреть, не стоит ли за спиной кто-нибудь более удачливый, более достойный Леночкиного внимания.

– Лиховцев, – она улыбнулась ему впервые в жизни. Да что там, она и обратилась к нему впервые!

– Тебе чего? – Получилось грубо. Наверное, от неожиданности.

– Холодно. – Леночка поежилась. – И темно. Проводишь меня до дома?

Андрюха перестал дышать. Даже в самых смелых фантазиях он не заходил так далеко.

– Лиховцев! – Леночка дернула его за рукав куртки. – Лиховцев, ау!

– Чего аукаешь? Мы что, в лесу? – буркнул он и тут же испугался, что теперь-то она точно обидится и уйдет. Но она не обиделась. Даже наоборот, звонко рассмеялась.

– Он, оказывается, и шутить умеет, – сказала, обращаясь то ли к Андрюхе, то ли к своим дурам-подружкам. – Так проводишь или мне кого другого попросить?

И Андрюха понял, что вот сейчас, прямо в эту секунду, жизнь его изменилась раз и навсегда...

...У Леночки Колесниковой было все, о чем только может мечтать тринадцатилетняя девушка. Родители, души не чающие в своем единственном чаде, друзья, во всем с ней солидарные, поклонники, жадно ловящие каждое ее слово, фирменные шмотки, деньги на карманные расходы, сравнимые с зарплатой их классухи, возможность каждое лето выезжать на отдых, и не куда-нибудь, а за границу. Но, несмотря на все это, Леночка чувствовала себя несчастной. Леночку одолевала тоска. У сладкой жизни имелась и обратная сторона, она называлась пресыщением. Леночке вдруг стало скучно и неинтересно жить, захотелось чего-нибудь нового, запретного, чего-нибудь, что всколыхнуло бы ее спокойный, подернутый ряской мир. И, как обычно, Леночкино желание исполнилось почти сразу.

«Что-нибудь новенькое» не заставило себя долго ждать. Оно с независимым видом стояло в десяти метрах от Леночки и вертело в посиневших от холода пальцах пачку дешевых сигарет. Вернее не оно, а он – Андрей Лиховцев, парень из другого, нескучного мира, хулиган, задира и двоечник. Леночка видела его в школе почти каждый день, но никогда не обращала на него внимания. А теперь вот обратила и удивилась.

Высокий, широкоплечий, он выглядел гораздо старше своего возраста. Старше и опытнее. Он смотрел на мир ярко-синими, презрительно сощуренными глазами. У него были длинные девчоночьи ресницы, черные брови и вьющиеся волосы, такие же черные, как брови. И подбородок у него был очень даже ничего, волевой такой подбородок. В общем, если одеть его в приличную одежду, а не в эти убогие тряпки, если аккуратно подстричь и убрать хмурю

гримасу, он стал бы настоящим красавчиком. И даже странно, что ни одна из ее подружек до сих пор не заметила, какой он на самом деле – Андрей Лиховцев.

Леночка улыбнулась. Вот оно – ее приключение, нечесаное и дикое. Она возьмет на себя роль дрессировщицы, превратит дворового кота в ласкового котенка. На мгновение Леночка усомнилась, что эта задача ей по силам, но решительно отбросила сомнения и направилась к Лиховцеву. Одного-единственного взгляда хватило, чтобы понять – Лиховцев пойдет за ней куда угодно и сделает для нее что угодно. Любая женщина в состоянии почувствовать такие вещи, а Леночка была стопроцентной женщиной.

Ее приключение стремительно набирало обороты. Дворовый кот превратился в ласкового котенка даже раньше, чем она предполагала. Злой, непредсказуемый и даже опасный, с ней он становился совершенно ручным и, что немаловажно, не ограничивался словами и пустым обожанием. Он ухаживал красиво, как настоящий мужчина. Он дарил Леночке милые безделушки: шоколадки, плюшевые игрушки и даже цветы. Живые цветы в преддверии зимы – жест, который может позволить себе не всякий взрослый мужчина. Леночка принимала подарки как должное, не озадачиваясь вопросом, где мальчишка из неблагополучной семьи берет деньги. Как всякая уважающая себя красавица, она была уверена, что заслуживает только самого лучшего, а технические детали казались ей неинтересными. По-настоящему Леночку волновало только одно: о приключении не должны узнать родители.

Уже три месяца ей удавалось хранить свою маленькую тайну. На людях они с Лиховцевым вели себя как заправские конспираторы. Никаких контактов, безгливое равнодушие с ее стороны, молчаливое презрение – с его. Все как и раньше. Даже ближний Леночкин круг ни о чем не догадывался. Подумаешь, однажды принцессе пришла в голову блажь, захотелось, чтобы ее проводил до дома нищий! Блажь прошла, нищему дали от ворот поворот. Вот и все.

О том, что принцесса и нищий тайком встречаются, знала лишь Верка, лучшая Леночкина подруга. Знала, но держала язык за зубами, потому что дорожила Леночкиным особым расположением. Впрочем, как и все остальные...

...Андрюха пересчитал имеющуюся наличность. Результаты не радовали. С мечтой о кожаной куртке он расстался еще пару месяцев назад, когда только начал встречаться с Ленкой. Любовь требовала жертв, и он, не раздумывая,

шел на жертвы. Вот только деньги закончились. Нужно было срочно что-то предпринять. Проще всего казалось пойти по проторенному пути, но ради Ленки Андрюха твердо решил покончить с темным прошлым. Однако, ступив на праведный путь, столкнулся с неожиданной проблемой. Оказалось, он еще слишком молод, чтобы работать. Никто не желал связываться с четырнадцатилетним юнцом.

Помощь пришла от Шурика, последнего в длинном списке мамкиных ухажеров. Шурик Андрюхе даже нравился. Он не орал на Андрея, не предлагал ему накатить за компанию и даже иногда снисходил до бесед. Во время одной из таких бесед Андрюха и рассказал о своей проблеме.

- Значит, работу хочешь найти, салажонок? - Шурик одним махом опрокинул в себя стопку водки.

- Хочу. - Андрей кивнул. - Но не берут.

- Молодой ты еще, не знаешь, где искать. - Шурик подцепил вилкой маринованный огурчик.

- Работать он надумал. В дневнике одни двойки, а он работать! - Мамка вдруг очнулась от пьяной дремы, посмотрела мутным взглядом.

- А ну, женщина, цыц! - прикрикнул на нее Шурик. - Малец твой настоящим мужиком растет, не о выпивке, как мы с тобой, думает, а о хлебе насущном. - Он плеснул себе еще водки, задумчиво поскреб подбородок.

- Мне налей, - попросила мамка.

- Тебе хватит, - отрезал Шурик и отодвинул бутылку.

- У, ирод! Любимой женщине беленькой пожалел!

Андрюха в бессилии сжал кулаки. Он любил свою маму, несмотря ни на что, но иногда ему хотелось, чтобы у него вообще не было матери. Такие страшные мысли пугали, заставляли чувствовать себя последним подонком, но он ничего не мог с собой поделать.

– Я не беленькой пожалел, я тебя, дура, пожалел, – ласково сказал Шурик. – Давай-ка тебя спать уложу. – Он выбрался из-за стола, подхватил вяло сопротивляющуюся маму за подмышки и потащил в спальню.

Андрюха обвел взглядом крошечную замызганную кухню. Голое, несколько лет не мытое окно, облупившиеся стены, вытертый до дыр линолеум, подслеповатая лампа под потолком. Из мебели – покрытая коркой грязи плита, ржавая мойка, полка для посуды, колченогий стол и три табурета. По столу, заставленному грязными тарелками, рюмками и пустыми консервными банками, деловито прохаживался таракан. Андрея замутило. Внезапно нахлынувшее отвращение к себе, к миру, в котором ему приходится существовать, было так велико, что он чуть не расплакался. Никогда! Никогда он не станет жить в таких скотских условиях! У него появится много денег, новая квартира с огромной-преогромной кухней. У него будет все, чего он пожелает!

– Ишь, совсем оборзел рыжий! – Вернувшийся в кухню Шурик с видом энтомолога-любителя посмотрел на таракана. – Сейчас я тебя, родной... – Он прицелился и хлопнул здоровенной ручищей по столу. Задребезжала посуда. Андрюху передернуло, а Шурик вытер ладонь о штаны и добродушно усмехнулся.

– Не люблю, когда борзеют. Ночью пусть ползают, где захотят, а при свете дня я тут хозяин. Правильно?

Андрюха молча кивнул.

– Теперь давай поговорим о работе. – Шурик потянулся за бутылкой. – Я тебе помогу...

Слово свое Шурик сдержал. И на следующий день, вернее, следующей ночью, у Андрюхи появилась работа, не очень легальная и очень тяжелая, зато приносящая реальные деньги.

Шурик работал бригадиром грузчиков на городском рынке. Мужики в его бригаде были неплохие, но равнодушные к выпивке. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не ушел в запой.

– Значицца так, ты, Андрюха, парень крепкий, должен справиться, – инструктировал Шурик. – Будешь на подхвате, если кто не придет. Расплачиваться с тобой станет тот, чью задницу ты прикроешь. Не переживай, обмана и несправедливости я не потерплю. Расчет наличными, никаких бумаг. Кто спросит, сколько тебе лет, говори, стукнуло шестнадцать. Выглядишь ты старше своего возраста, не придерутся.

И Андрей взялся за работу. Под насмешливыми взглядами грузчиков лихо вскидывал на спину двадцатикилограммовые мешки с сахаром, таскал ящики с консервами и тощими куриными тушками. Старался.

Шурик подошел к нему во время первого перекура и одобрительно похлопал по плечу.

– А ты, салажонок, молодец! Не из хлипкого десятка.

Андрюха благодарно кивнул и глубоко, по-взрослому, затянулся сигаретой.

– Только ты смотри, жилы-то не рви, – посоветовал Шурик. – Это сначала легко кажется, а потом спину разогнуть не сможешь.

Андрюха снова кивнул и сплюнул себе под ноги.

– Так ты меня понял? – переспросил Шурик. – Не рвись. Там, где одному тяжело, зови меня. Подсоблю.

– Спасибо, дядя Шура. Я все понял.

На самом деле ничего он не понял. Вернее, понял, но слишком поздно. Всю смену Андрюха старался не отстать от остальных, и ему это почти удавалось. В шесть утра Шурик отозвал его в сторонку и сунул в руки измятые, замусоленные купюры и бумажный сверток.

– Держи, салажонок, свой заработок! А это, – он кивнул на сверток, – цыпленок. Отдашь матери, пусть суп сварит.

– Спасибо, дядя Шура! – Андрюха прижал к груди пакет с цыпленком.

– Не за что, заработал. Ну, давай пять! – рукопожатие Шурика было крепким и болезненным. Андрюха невольно поморщился.

– А ну-ка дай глянуть! – Шурик перехватил его запястье и нахмурился, увидев покрытую кровавыми мозолями ладонь. – Я ж тебя предупреждал, дурья твоя башка! А ты что?

Андрюха пожал плечами. Мозоли – это ведь такая ерунда!

– Значицца, так, завтра на работу не выходишь.

– Но, дядя Шура!

– Никаких «но»! Я сказал, завтра не выходишь! – рявкнул Шурик. – Марш домой, салажонок!

До дома Андрюха добрался к семи утра и без сил рухнул на свой матрас. Масштабы бедствия он оценил лишь, когда во втором часу дня разлепил глаза. Все тело ныло. Андрюха потянулся – в позвоночнике что-то хрустнуло, и он охнул от острой боли, по-стариковски кряхтя и чертыхаясь, сполз с матраса. Боль из позвоночника тут же перетекла в ноги. Вот тогда-то он и понял, что имел в виду Шурик, когда настоятельно советовал не рвать жилы.

Мамка была на работе, в квартире царил тишина. Андрюха выполз на кухню, бухнул на плиту закопченный чайник и с вялым любопытством посмотрел на кастрюльку, стоящую посреди стола. В кастрюльке обнаружился наваристый куриный бульон – мамка нашла принесенный им трофей и даже сварганила супчик. В животе громко заурчало. Андрюха налил себе бульона, выловил тощую куриную ногу, отломал кусок черствой булки. Через пару минут тарелка опустела, а в животе снова заурчало. Молодой растущий организм требовал добавки, и Андрюха пошел на поводу у своей ненасытной утробы. Вскоре кастрюлька опустела наполовину. Он с наслаждением обглодал крылышко, доел остатки булки. После такого роскошного обеда боль слегка отступила, на ее место пришла сытая расслабленность. Андрюха сгрузил посуду в мойку и побрел в спальню. В школу он сегодня решил не ходить и мысленно поблагодарил Шурика за дарованный выходной.

Больше Андрюха не лихачил, работал старательно, но осмотрительно. Пару недель мышцы продолжали болеть, а потом перестали, наверное, тело привыкло. Гораздо тяжелее физических нагрузок Андрей переносил хроническое недосыпание. Ночная работа, потом несколько часов сна, потом школа – будь она неладна! – потом короткое свидание с Ленкой и снова работа.

Андрюха терпел и даже был счастлив. Теперь у него появились реальные деньги, которых хватало не только на маленькие подарки Ленке, но даже на собственные Андрюхины нужды. И мамка перестала ворчать. Она молча забирала принесенные продукты, готовила из них нехитрые обеды и, будучи в хорошем расположении духа, даже иногда хвалила сына за хозяйственность. Андрюха чувствовал себя настоящим мужиком – добытчиком и защитником. Наконец-то судьба ему улыбнулась! Сбылись почти все его мечты. У него есть настоящая мужская работа, заработанные собственным трудом деньги, Ленка...

При мысли о Ленке в животе у Андрюхи делалось горячо и радостно. Самая красивая девочка в школе – да что там, в городе! – не считает зазорным встречаться с ним! Тот факт, что встречаются они тайком, Андрей старательно игнорировал. Ленка любит его. Она ему так и сказала: «Люблю тебя, Лиховцев!» Это было как раз вчера, когда они прятались от февральского мороза в подъезде, ели пирожки с повидлом и целовались.

Андрюха впервые поцеловал Ленку совсем недавно, всего каких-то четыре дня назад. Робкий целомудренный поцелуй Леночка приняла благосклонно, и он решился – или пан, или пропал! – и поцеловал ее по-настоящему, по-мужски. Целоваться его научили дворовые девчонки, ушлые и безбашенные. Они научили его не только целоваться, но и многому другому. Но это «другое», совсем уж взрослое, никаким боком не касалось его Ленки. Дворовые девчонки – это одно, а Ленка – совсем другое.

Они шли, обнявшись, по безлюдной, плохо освещенной аллее. Они специально выбрали этот путь, потому что шансы встретить здесь знакомых были ничтожно малы. Они могли расслабиться и не бояться, что их застукают. Они могли наслаждаться тихим зимним вечером, и легким морозцем, и пляшущими в тусклом свете фонарей снежинками, и многозначительным молчанием.

Аллея заканчивалась. Еще метров пятьдесят – и она упрется в хорошо освещенную улицу. Тогда им придется расстаться. Точнее, не совсем расстаться, но идти порознь, делая вид, что они незнакомы. Ленка – впереди, Андрюха – сзади, на таком расстоянии, чтобы не потерять ее из виду и в то же время не вызвать ненужных подозрений.

– ...Оба-на! Кто к нам идет?! – Три черные фигуры выросли точно из-под земли. – Привет, Лихой! – Одна из фигур шагнула вперед, под оранжевый свет одинокого фонаря.

Леночка вздрогнула, вцепилась в Андрюхину руку, а сам он скрипнул зубами от досады.

О чем же он думал?! Какой черт понес его на чужую территорию, да еще с девушкой! Двоих, по-прежнему остававшихся в темноте, он не разглядел толком, зато говорившего узнал мгновенно. Да и кто из дворовой шпаны не знал Дему, главаря самой большой и самой опасной уличной банды?!

Дему знали все! Знали и боялись. Он был настоящим отморозком, одинаково жестоким как с чужими, так и со своими. Ходили слухи, что он искалечил одного парня просто за то, что тот оказался недостаточно расторопен, когда Деме вздумалось прикурить, опоздал с зажигалкой. В эти слухи Андрюха верил. Дема мог избить человека даже за гораздо меньшую провинность. Для этого у него имелся идеальный баланс между крепкими, тренированными в подвальной «качалке» мышцами и микроскопическим мозгом. Баланс этот был подкреплен звериной злостью и солидной коллекцией колюще-режущих предметов, с которой Дема никогда не расставался.

– Давно хотел с тобой встретиться, Лихой! – Дема недобро улыбнулся. Его дружки гнусно захихикали.

Андрюхино сердце испуганно екнуло, волосы на загривке встали дыбом. Дурное предчувствие стремительно перерастало в уверенность. Влип... Силы неравны. Их трое, он один. Нет, не один, а с Ленкой, но это еще хуже. Без Ленки он не стал бы рисковать и ввязываться в драку, а просто сделал бы ноги. Андрюха был смелым, но не безрассудным. Но с ним Ленка, и с ней далеко не убежишь. Это во-первых. С Ленкой он должен вести себя как настоящий мужик. Это во-вторых.

– Ну че, Лихой, побазарим? – Дема сделал шаг, в его правой руке что-то блеснуло.

Ленка взвизгнула и спряталась за Андрюхину спину.

– Спокойно, – сказал он, сам до конца не понимая, кому адресовано это «спокойно»: поигрывающем «пером» Деме, насмерть перепуганной Ленке или себе самому.

Нунчаки и нож остались дома. Кто же ходит на свидание с нунчаками! В его распоряжении было только одно оружие – массивный перстень в виде стального черепа, предмет особой гордости Андрея. С большой натяжкой перстень мог сойти за кастет. Конечно, до настоящего кастета с его свинцовой тяжестью перстню было далеко, но за неимением лучшего...

– Давай побазарим! – Андрюха шагнул навстречу Деме. – Только ее, – кивнул он в сторону Ленки, – отпустите. Ей о наших делах знать необязательно. Она вообще посторонний человек.

– А раз посторонний человек, – осклабился Дема, – так и не сильно расстроится, когда мы будем из тебя отбивную делать.

За спиной Демы заржали его дружки. За спиной Андрюхи сдавленно пискнула Ленка.

– Лен, слышишь? – прошептал он, не оборачиваясь. – Ты беги... прямо сейчас. Слышишь?..

Глупая Ленка даже не думала бежать. Она мертвой хваткой вцепилась в Андрюхину куртку, повисла, сковывая движения. А Дема с дружками приближались. Еще пару секунд – и будет поздно...

– Беги! – заорал Андрюха и оттолкнул от себя Ленку. – Беги, дура!

Она наконец очнулась, тоненько закричала и только потом, потеряв несколько бесценных мгновений, бросилась бежать.

Конечно, она не успела. Две черные тени, огибая заметавшегося Андрюху, помчались следом. Ленка бежала, как молодой козленок, высоко вскидывая острые коленки, по щиколотки утопая в зыбком февральском снегу. «Успеет – не успеет» – стучало в висках.

Она не успела... Одна из теней прыгнула вперед, и Ленка под тяжестью навалившегося на нее тела рухнула на землю. Тени радостно заржали. Их хохот почти заглушил крик боли и отчаяния. Кричали оба: и Ленка, уткнувшись лицом в снег, и бегущий к ней Андрюха.

Если бы не Ленка! Если бы не ее отчаянный крик, он бы, возможно, не поступил так глупо, не подставился под удар. Но Ленка захлебывалась слезами и криком, и Андрюха потерял голову и на мгновение забыл про Дему. А Дему ни за что, ни при каких обстоятельствах нельзя было сбрасывать со счетов! Андрюха знал это и все равно подставился...

Он успел уклониться лишь в самый последний момент – удар кастетом пришелся не на непокрытую голову, а на обмотанную толстым шарфом шею. И все равно это был очень опасный удар. Егохватило, чтобы Андрюха, нелепо взмахнув руками, упал на колени. А из пелены жгучей боли выплыло понимание – пощады не жди, Дема пойдет до конца. Тяжелый, подкованный железными пластинами ботинок обрушился на Андрюхин затылок. Оранжевый свет одинокого фонаря мигнул и погас...

...Андрюху привела в чувство все та же боль. Он замычал и замотал налитой свинцом головой, разлепил веки и уставился на снег у своих ног. Снег был черный. Андрюха не сразу понял, что это черное – его кровь.

– Смотри, Дема, очухался! – Андрюху больно дернули за волосы, запрокидывая вверх гудящую голову, в шее что-то хрустнуло. Он застонал, матерно выругался.

– А вот теперь побазарим. – Демино лицо приблизилось, закрыло небо и редкие звезды. – Давно я хотел с тобой побазарить, Лихой.

Андрей попытался повернуть голову, найти глазами Ленку, но тот, кто стоял сзади, резко рванул вверх заведенные за спину Андрюхины руки. Почти невыносимая боль волной прокатилась от плечей до кончиков пальцев. Чтобы не заорать, он прикусил разбитую в кровь губу.

– О девке своей беспокоишься? – Дема улыбался, и улыбка его была безумна. – Не надо о ней беспокоиться. Пока с ней ничего страшного не случилось. Пока я хочу поквитаться с тобой, паскуда! За двенадцатое сентября. Помнишь? – Он ослабился, в темноте блеснули корявые зубы, верхнего резца не хватало. У Андрюхи был хороший удар.

– Мало я тебе тогда врезал...

Не надо было его злить, но... не удержался.

И Дема тоже не удержался, коротко, без замаха, ударил кулаком в челюсть. Рот тут же наполнился кровью. Андрюха сплюнул, осторожно прошелся языком по зубам. Зубы, как ни странно, оказались на месте.

– Мало. – Голос Демы теперь доносился откуда-то сбоку. – Надо было добивать, когда имелась такая возможность. А раз не добил, так теперь моя очередь. Гвоздь, держи его крепче! Лось, тащи сюда девку! Пусть смотрит!

Ленка была без шапки, в расстегнутой шубке. Ленка смотрела на него совершенно безумным взглядом, пыталась что-то сказать.

– Ленка... – Разбитые губы кровили, но боли Андрюха не чувствовал. – Не бойся, Ленка...

Она не стала его слушать, зажала уши ладонками и замотала головой. От бессилия Андрюха готов был заплакать сам. Или возможно, он уже плакал. Щеки оказались мокрыми, он не знал от чего: от слез, крови или тающих снежинок...

– Ленка...

– Я не узнаю тебя, Лихой. Будь мужиком! – весело сказал Дема. – Хотя с такой смазливой рожей трудно быть мужиком. Но сегодня я добрый, сегодня я тебе помогу...

Лезвие возникло прямо перед Андрюхиными глазами, задергалось, заплясало.

– Что тебе чикнуть, Лихой? Что тебе нужно меньше всего? Ухо? – Лезвие заскользило по влажному виску. – Или, может, нос? Зачем тебе нос? – Кончик ножа нежно пощекотал правую ноздрю.

Андрюха молчал.

– Настоящего мужика украшают шрамы. – Демины пальцы вцепились в волосы, удерживая голову в запрокинутом положении. – Волосы длинные, как у бабы! – зашептал Дема ему на ухо. – Лихой, тебе говорили, что ты похож на бабу?

Острое жало ножа уперлось в щеку чуть ниже левого глаза. Андрюха моргнул, ресницы скользнули по лезвию, смахивая с него снежинки. Жало недовольно заворочалось. На мокрой то ли от слез, то ли от снега щеке выступила капля крови. С каждым мгновением она становилась все больше и все краснее. Устав бороться с земным притяжением, капля кровавой слезой поползла вниз, прочерчивая фарватер на Андрюхиной щеке. Следом по фарватеру заскользило лезвие, рассекая кожу и мышцы, царапая кость. Скольжение было неспешным и безжалостным. Оно давало возможность прочувствовать рождаемую им боль и оценить эту боль по достоинству. словно это была и не боль вовсе, а дорогое французское вино, оставляющее после себя изумительное послевкусие. Послевкусие у боли оказалось тоже по-своему изумительное – горько-соленое, заставляющее голову кружиться, а позвоночник натягиваться струной, вырывающее из горла придушенный хрип...

...Кровавая слеза доползла до подбородка, на секунду застыла и двинулась дальше по выгнутой дугой шее, параллельно лихорадочно пульсирующей вене. Лезвие, успевшее вспахать щеку от нижнего века до уголка рта, с разочарованным всхлипом вышло из человеческой плоти и тут же радостно задрожало от предвкушения.

Вот она – вена, полная крови и жизни...

Вот он – кровавый фарватер, совсем рядом, параллельно...

Неправильный фарватер!

Лезвие дернулось, намечая другой путь: не вдоль, а поперек.

Рассечь вену, выпустить на волю пульсирующую струю крови, выпустить на волю человеческую жизнь...

Андрюха пришел в себя за несколько секунд до того, как острие ножа дрогнуло, примеряясь к незащитной шее.

Все...

Теперь уже точно все. Они прирежут его как свинью. Шутки кончились...

И Андрюхе, поверженному, почти смирившемуся со своей участью, вдруг нестерпимо сильно захотелось жить.

Плевать, что их трое, а он один!

Плевать, что у них ножи и кастеты!

Все это ничто, по сравнению с очнувшимся от спячки инстинктом самосохранения. Инстинкт ласково отодвинул Андрюху в сторону и принялся за дело сам...

Андрюхин затылок откинулся назад, впечатался в переносицу тому, кто стоял сзади. И тому, кто стоял сзади, сразу стало не до Андрюхи. Но Дема, мысленно уже заглянувший в мертвые глаза врага, не желал останавливаться, Дема жаждал крови, настоящей, чтобы до последней капли.

Пригодился перстень.... Удар пришелся в висок, и Дема упал.

Инстинкт самосохранения сделал свое дело и удалился, оставив Андрюху стоять над поверженным врагом. В гудящую, точно колокол, голову стали просачиваться звуки: вой того, что с перебитым носом, придушенное дыхание того, кто раньше держал Ленку. Этот второй пятился от Андрюхи, медленно отступал спиной в темноту. Длинные руки его свисали плетьюми, а взгляд сделался совсем диким.

Ленки не было...

- Где Ленка? - заорал Андрюха, и собственный голос причинил ему боль.

- Он не шевелится... - Второй продолжал пятиться, правый глаз его дергался. - Ты же его того... Ты убил его!

Он еще что-то кричал, испуганным, похожим на собачий лай голосом. Пятился и кричал. А тот, что с перебитым носом, вдруг перестал выть и начал громко икать. Но Андрюха их не слышал, Андрюха наконец увидел Ленку.

Ленка лежала в снегу, съежившись, обхватив голову руками. Андрюха удивился, что не заметил ее сразу. Как можно было не заметить?..

- Ленка... - Он упал на колени, обхватил ее за плечи. - Ленка, ты что? Что они с тобой сделали?! Ну, Ленка, что же ты молчишь?..

Его щеки, особенно левая, снова были мокрые: не то от слез, не то от тающих снежинок...

Спустя целую вечность она открыла глаза, всмотрелась в его лицо и закричала.

- Ленка, ты чего? Все уже хорошо... Я же обещал.... - Андрюха попытался улыбнуться, но губы не хотели слушаться.

- Ты... ты!.. - Аккуратный пальчик с розовым ноготком уперся Андрюхе в грудь.

- Ленка... Леночка, - повторял он как заведенный, а она отталкивала его руки и пыталась уползти.

- ...Эй, пацан, а ну оставь девочку в покое! - послышалось откуда-то сверху.

Андрюха поднял голову, растерянно моргнул, разглядывая детину в пуховике и лохматой волчьей шапке. Из-за его широких плеч опасно выглядывала какая-то тетка. Увидев Андрюхино лицо, детина отступил на шаг, а тетка ахнула и перекрестилась.

- Что? - спросил он растерянно.

– Я говорю, девочку не трогай, урод!

– Так я не... – Андрюха не успел договорить, потому что Ленка, жалобно всхлипнув, вскочила на ноги, бросилась к тетке.

– Ну, что ты, что ты, милая! – Тетка подхватила ее под руки и прижала к груди. – Не плачь, детка. Никто тебя больше не обидит. Ванюшка мой сейчас с этим злыднем разберется. – Она говорила и смотрела на Андрюху. Во взгляде ее было... отвращение.

– Разберусь. – Дитина навис над Андрюхой. – Ну что, урод, рассказывай, зачем ты к девочке приставал!

– Я не...

– Ванька, а ну-ка иди сюда! – послышался из темноты хриплый, прокуренный голос. – И щенка с собой прихвати. Да покрепче держи, чтобы не убежал.

Андрюху дернули за воротник куртки и потащили. На сопротивление не осталось сил. Силы вдруг враз кончились. Как и понимание того, что происходит.

– Ну, что тут, батя? – Ванюшка остановился рядом с коренастым мужиком, встряхнул Андрюху так, что клацнули зубы.

– Дрянь дело, сынок. – Мужик присел на корточки рядом с Демой, сунул в зубы сигарету, но так и не зажег. – Парень-то того... Помер, кажись...

И Андрюха с устрашающей ясностью вдруг понял, что Дема лежит не просто так, не потому что без сознания, а потому что этот незнакомый мужик прав – Дема мертв. Он, Андрюха, его убил. Убил и даже не понял, как...

– Как это помер, батя? – Детинушка ослабил хватку, и Андрюха, вдруг утративший остатки сил, опустился на снег.

– Так и помер! Пульса нет, глаза, вишь, открыты. Башкой о бордюрок саданулся и помер. Вот тут бордюрок снегом присыпан, сразу и не разглядишь...

А Ленка знала... видела, как он убивал. Для нее он теперь убийца...

Громко, очень громко, заголосила тетка.

– Лидка, кончай выть! – велел мужик. – Бери девочку и идите отсюда куда-нибудь. – Он задумчиво пожевал незажженную сигарету и добавил: – Полицию надо бы вызвать, раз уж дело такое. Слышь, Лидка? А мы с Ванькой тут пока покараулим.

Тетка перестала голосить, сгребла в охапку Ленку и, беспрестанно оглядываясь на лежащее на снегу тело, потрусилась по аллее.

Егор Сидорович проводил долгим взглядом жену и девочку, прикурил наконец сигарету и посмотрел на сидящего на земле пацана.

Ишь, как отделали! Морда – сплошной синяк. Рана на пол-лица, кровяшка хлещет. Надо бы тряпицу какую приложить. А у этого... у трупа вроде и следов насилия особых не видно. Конечно, если не считать насильем проломленный череп. Это что же выходит? Сначала этот, который сейчас труп, пацаненка мордовал, а потом уже пацаненок отыгрался. Так, что ли? Не сам же он себя так расписал...

Егор Сидорович задумчиво поскреб щетину. За свои шестьдесят с лишним лет он навидался всякого. В молодости досыта нахлебался романтики. Исколесил весь Дальний Восток. Ходил в море на рыболовецких траулерах, когда месяцами вокруг только вода и опостылевшие морды, когда до земли сотни километров, и работа каторжная, и отдушины никакой, когда бабы только на картинках, а романтика сидит в печенках. Тогда он был чуть старше этого салажонка с изуродованным на всю оставшуюся жизнь лицом и тоже, бывало, дрался, и нож в ход пускал... Эх, молодость – глупость! Егор Сидорович тяжело вздохнул. Его, тогда молодого и горячего, бог миловал, уберег от греха: и сам жив остался, и не угробил никого. А мальчонку вот бог не уберег...

Андрюха замерз. Смотрел в остекленевшие глаза своего врага и клацал зубами. Холод выморозил все чувства, наслал блаженное оцепенение, позволил ни о чем не думать. Андрей и не думал. Просто смотрел в мертвые Демины глаза. Он не видел, как мужик в тулупе, недовольно побряхывая, поднял с земли серый вязаный шарф, которому положено было согреть Андрюхину шею,

а не валяться на снегу.

– Сколько их было? – спросил он, аккуратно складывая шарф «гармошкой».

– Кого?

– Тех, кто тебя так отделал. Тут ведь не один человек работал. – Мужик закончил возиться с шарфом и заглянул Андрюхе в глаза. – Наследили.

– Не было больше никого.

Это его дело. Его и Демы-покойника...

– Не было, говоришь? – Мужик хмыкнул, протянул шарф. – На-ка вот, приложи к ране.

– Батя, ты чего?! – Дитина возмущенно мотнул башкой. Волчья шапка едва не свалилась в снег. – Ты чего этому уроду помогаешь? Он же человека убил и девчонку хотел изнасиловать!

– А ну, цыц! – Дядька смотрел на сына снизу вверх, но от его взгляда тот, казалось, стал меньше ростом. – Отца надумал учить?! – Докуренная до самого фильтра сигарета с сердитым шипением упала в снег.

– Так ведь...

– Цыц, я сказал! Надо слепым быть, чтобы не увидеть, что сначала пацаненка били, а потом уж он... И девчонку он не обижал! Какое уж тут насилие, когда на нем самом живого места нет?! Правильно я говорю, парень?!

Шарф пропитался кровью почти сразу. Андрюха перевернул его другой стороной, с ненавистью посмотрел на мужика. Жалеть его надумал?.. А где же он раньше был, когда еще оставалась возможность что-то исправить?.. Появился хотя бы на пять минут раньше, и Андрюхе не пришлось бы сейчас смотреть в мертвые Демины глаза, и с Ленкой бы все было хорошо... А теперь уже поздно, жалея не жалея. Теперь он убийца...

– Дурак! – Мужик с досадой покачал головой. – Послушай меня, сынок. Если сейчас мозги не включишь, тебя посадят за убийство. А вот если выяснится, что у этого, – кивнул он в сторону мертвого Демы, – имелись сообщники и напали они первые, дело может принять совсем другой оборот. Они нападали, ты защищался. Сечешь? Это уже не убийство, а превышение допустимой самообороны. Совсем другая статья. И срок другой. Ну, так сколько их было?

– Трое... – Отвечать не хотелось, но в тюрьму не хотелось еще сильнее, и Андрюха заговорил.

– Так, а девочка с ними была или с тобой?

– Не было никакой девочки! Слышишь?! Я один был! Ленка тут вообще ни при чем!

– Значит, не было девочки? Ты подумай, от ее показаний многое зависит.

– Не было ее тут. – Силы уходили, и решимость тоже. Но Ленку втягивать нельзя. Ленка не виновата, что он так... подставился.

– Иван, отпусти его. – Мужик встал, похлопал сына по плечу. – Никуда он не убежит. Ты же не убежишь?

Андрюха не ответил. Куда ему бежать? От себя не убежишь. Теперь он для всех убийца: и для мамки, и для Шурика, и для Ленки, и даже для этого незнакомого дядьки... От накатившей вдруг слабости Андрюха улегся в снег рядом с Демой. Стало почти хорошо. Умереть бы...

* * *

Место было идеальным, просто изумительным! Чтобы отыскать его, Кате пришлось прошагать несколько километров под палящим солнцем, но оно того стоило. Чистый пляж, вода такая прозрачная, что даже на глубине отчетливо видны камешки на дне. Рай на земле. И соседей почти нет. Маячат где-то далеко, почти на горизонте, не мешают. И загорать можно топлес, не видит же никто. Если бдительность не терять, поглядывать по сторонам, то и не увидит. Катя закрыла глаза. Она полежит немного, самую малость, а потом совершит

заплыв...

...Андрей, оставшийся без товарища, неторопливо брел по бережку. Мысли в голове рождались ленивые, неспешные – под стать настроению. Пляж делался все пустынее, а попадающиеся на пути персонажи все колоритнее. Вон, к примеру, деваха расхаживает по бережку. Очень даже ничего деваха! Из одежды – только шляпка. А формы-то, формы! Поторопился Сема со своей богиней. Самые распрекрасные богини, оказывается, впереди. Эта, в шляпке, как раз в Семином вкусе: бедристая, грудастая, с волосами до задницы – стопроцентный славянский тип. Интересно, сколько на такое роскошное тело нужно крема для загара? От нечего делать Андрей принялся производить в уме математические расчеты. А потом взгляд зацепился за кое-что знакомое, и про расчеты Андрюха забыл.

Рыжие волосы, стянутые в конский хвост. Зеленый купальник, точнее, его нижняя часть. Верхняя небрежно валяется рядом с уже тронутым загаром и первыми веснушками телом. По-детски розовые пятки. Ноги в меру стройные, в меру длинные, переходят в почти идеальной формы поясицу с ямочками в тех местах, где им и положено быть. Талия узкая, спина спортивная, даже в расслабленном состоянии мышцы отчетливо контурируют. А плечи, пожалуй, могли бы быть чуть-чуть поуже. В женском теле акценты должны расставляться правильно: плечи покатые, талия осиная, бедра в меру широкие. Хотя в целом рыжая выглядела аппетитно, по крайней мере с тыла. Так, наверное, и должна выглядеть профессионалка экстра-класса, любительница экстремального секса.

Андрей подошел почти вплотную. Так близко, что между кончиком ее рыжего хвоста и его ступнями оставалось сантиметров двадцать, не больше. Вот не любил он шлюх. Ни дешевых вокзальных девок, ни таких вот супердорогих и суперэлитных. Этап товарно-денежных отношений, когда любовь предлагалась в обмен на что-то более материальное, он уже прошел. И этап этот оставил в душе мерзкую черную накипь, которую не оттереть, не отскрести. Он не любил шлюх и, глядя на загорелое, припорошенное белым песком тело, не понимал, зачем остановился.

Он бы ушел. Не сию секунду, так через минуту, но не успел. Рыжая что-то услышала или, скорее, почувствовала, дернулась, с проворством кошки перекатилась на спину и села...

...Катя не собиралась засыпать. Знала, что сон под южным солнцем равноценен самоубийству. Знала и все равно заснула. А потом словно в бок кто-то пнул, жестко и бесцеремонно. Одурманенный дремотой мозг еще только настраивался на реальность, а тело уже действовало, стремительно меняя горизонтальное положение на вертикальное. Случилось что-то страшное...

И самые худшие подозрения подтвердились – страшное случилось. Страшное нависало над ней каменной глыбой, бритой башкой заслоняя полнеба. Оно разглядывало ее в упор и задумчиво скребло небритый подбородок. Катю передернуло. Страшное криво усмехнулось и от этого стало еще страшнее...

...Рыжая сидела у его ног и глупо хлопала ресницами. От этого Андрею все никак не удавалось понять, какого же цвета у нее глаза. Зато все остальное он успел рассмотреть очень даже детально.

Собственно говоря, рассматривать-то было нечего. Видал он бюсты и попышнее, и поаппетитнее. Разве что веснушки. Грудь, усыпанная веснушками – это что-то новенькое.

– Что вам нужно?! – Рыжая наконец проморгалась и теперь буравила его гневным взглядом.

Андрей улыбнулся самой приветливой из своих улыбок. А она вся в веснушках! И грудь, и плечи, и лицо... А глаза у нее не зеленые, а светло-карие, тоже словно бы веснушчатые. И при ближайшем рассмотрении не так уж она и хороша. Не дурнушка, конечно, но и на роковую женщину не тянет. Садомазохистские примочки и веснушки! Какой-то мезальянс...

...Урод! Ну урод же! И ухмылка эта мерзкая, и шрам отвратительный! Подкрался, как вор... Что ему нужно и куда это он смотрит?.. Катя отследила взгляд и мысленно застонала. Но в полотенце заматывалась без суеты и спешки. Хорошо бы еще и не покраснеть.

– Замерзла? – участливо спросил бритоголовый.

Катя презрительно фыркнула. Не любила она людей, вот так, с ходу, переходящих на «ты».

- Что вам нужно? - Акцент на «вам» она сделала намеренно. Вдруг поймет.

- Мне? - Бритоголовый пожал плечами и присел перед Катей на корточки.

Ничего страшнее этой заросшей трехдневной щетиной морды, уродливого шрама и нагло прищуренных глаз она в жизни не видела. А видела она всяких. Странно, что на бычьей шее нет золотой цепи в палец толщиной. Такие, как этот, любят дешевые спецэффекты.

- Не возражаешь? - Бритоголовый плюхнулся на песок в полуметре от Кати, прямо на ее лифчик. Специально, небось.

Она возражала. Еще как возражала! Именно поэтому отодвинулась, придерживая на груди полотенце.

- Познакомимся. - Не вопрос, а утверждение. Как же отказать такому милому парню!

- Не хочу. - Катя с тоской посмотрела на завязку лифчика, выглядывающую из-под бедра бритоголового. Хоть бы сдвинулся, что ли...

...Да, не пришелся он ко двору! Это ж сколько нужно учиться, чтобы вот так человека осаживать - вежливо, одним только взглядом. Чувствуется профессионализм и богатый опыт. Жизненный и вообще... Ну конечно, она же клиентов сама выбирает, профессионалка хренова! Она же на курорте, отдыхает тут от своей мерзкой работенки. На курорте можно представить себя даже непорочной девой в белых одеждах, грудь прикрывать целомудренно, отшивать всяких там зарвавшихся хамов. И при этом загорать без лифчика. Была бы она честной шлюхой, не скрывала бы так цинично свою сучью суть, послала бы его прямым текстом, он бы и ушел. Слова бы поперек не сказал, но она смотрела на Андрея, словно он пустое место, и поправляла свое гребаное полотенце, как королевскую мантию. И Андрей разозлился.

– Ну, так как тебя зовут? – спросил требовательно.

Рыжая окинула его таким взглядом, что он удивился, как это море до сих пор не покрылось льдом. Могло запросто.

– Послушайте, я не хочу знакомиться с такими... – Она запнулась. – С кем бы то ни было не хочу. И с вами в том числе. Я достаточно ясно выражаюсь?

Куда уж яснее! Теперь можно уходить. Вот только уходить не хочется. А чего хочется, Андрей еще и сам до конца не понял. Она же совсем не в его вкусе. Веснушки и шлюхи – не его тема. Тогда что же он так завелся? Словно только что, вот прямо сейчас, выдержал бой со Стариком. Шрам зачесался так сильно, как не чесался уже давным-давно, и Андрей поскреб щеку.

С дурацкой привычкой тереть шрам при малейшем волнении он боролся уже больше десяти лет. Это что же, выходит, он волнуется?! Быть такого не может! После Леночки Колесниковой его не волновала ни одна женщина. Если, конечно, не принимать во внимание чистую физиологию, но физиологией тут и не пахло. Его организм никак не реагировал на рыжую. На нее реагировал мозг. И еще как реагировал! Болезненно, как на ноющий зуб...

Андрей снова почесал шрам, а потом увидел Сему, который неспешной походкой шел по бережку. Значит, сподобился оторваться от своей богини. Или, может, крем для загара закончился?..

...Громила, пострашнее бритоголового, медленно, но неуклонно приближался. Гора мышц, кривые ноги, длинные руки, квадратная башка. Вот повезло так повезло! До ближайших соседей кричать – не докричатся. Мало ей одного неандертальца, вот и второй поспешает. Катя на всякий случай покрепче вцепилась в полотенце.

– Сколько ты хочешь? – будничным тоном спросил бритоголовый.

– Простите? – Думать сейчас Катя могла только о том, что она одна, а этих... неандертальцев уже двое и до соседей не докричатся.

– Сколько ты хочешь за свои услуги? – Он разглядывал ее с брезгливым интересом и все время скреб шрам.

– За какие услуги?

Определенно, бритоголовому могли бы понадобиться ее услуги. У него явно есть кое-какие... отклонения. Но откуда ему знать?..

...Рыжая так старательно изображала удивление, что Андрею стало смешно.

– Я собираюсь переспать с тобой, – терпеливо объяснил он. – Нормальный секс, никаких извращений. Но если ты будешь очень стараться и мне понравится, то в следующий раз можем попробовать и твои специфические штучки.

Его злость казалась иррациональной, Андрей и сам не понимал, зачем ему все это. Рыжая его не возбуждала, наоборот, она его бесила. И секс с ней был ему совершенно не нужен. Но предложение уже сделано, осталось дожидаться ответа. Если он не постоит за ценой, белые одежды спадут с нее вместе с пляжным полотенцем, обнажая насквозь продажную суть. В этом мире все покупается и все продается. Даже любовь. Даже безответная любовь... Он убедился в этом девять лет назад и хорошо усвоил урок...

...Смысл сказанного доходил до Кати медленно. Она даже дышать перестала, пытаясь уяснить, все ли правильно поняла. Ей предлагают деньги? За что? За то, что она согласится переспать с этим... неандертальцем? Ему пока даже не нужны ее специфические штучки, только нормальный секс. Вот как!

Неандерталец ждал, смотрел на Катю внимательно-сосредоточенным взглядом, и ей казалось, что в данный конкретный момент он видит перед собой не ее, а кого-то другого. И этого кого-то он ненавидит лютой ненавистью.

Или презирает. Все-таки интересно, если она закричит, кто-нибудь придет на помощь?.. Катя потянулась, выгнула дугой затекшую спину, нашарила в сумке-холодильнике бутылку с замороженной минералкой, сделала жадный глоток.

– Предлагаю начать сразу с моих, как вы выразились, специфических штучек, – сказала ласково и подалась к неандертальцу...

...Лед тронулся, господа присяжные заседатели. Лед тронулся!

Что и требовалось доказать! Взгляд скользнул по довольной физиономии приближающегося Семы и застыл на губах рыжей. А губы в общем-то очень ничего! Организм наконец взбодрился и начал подавать признаки жизни.

– Я подумаю, – пообещал Андрей и решил, что и в самом деле подумает, коль уж она сама предложила.

Он расслабился, поверил той, кому верить нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах, и упустил момент, когда во вкрадчиво-тихом голосе зазвенела сталь, а на дне медово-рыжих глаз выкристаллизовался лед...

Что-то ледяное вылилось ему на плавки, жестоко и категорично гася огонь, разгоревшийся было в причинном месте, заставило взвыть от неожиданности и вскочить на ноги.

Рыжая бестия продолжала призывно улыбаться, постукивая коготками по пустому баллону, в котором еще совсем недавно плескалась замороженная минералка.

– Ну как? – спросила она. – Тебе понравились мои специфические штучки? Эта штучка, к примеру, называется «лед и пламя». Впечатляет, правда? А главное, для тебя совершенно бесплатно!..

...Безумство – злить вот такого! Но, совершая это безумство, Катя ничем не рисковала. К морю поблизости от них как раз выходила компания молодых ребят. Слишком много свидетелей, чтобы рисковать. Неандерталец, конечно, идиот, но ведь не сумасшедший!

Катя просчиталась. Неандерталец оказался достаточно сумасшедшим, чтобы сдернуть ее с места, сжать в тисках лап так, что не вдохнуть, не выдохнуть. Бутылка с минералкой с тихим всхлипом упала на песок, следом спланировало полотенце. А потом на затылок Кате легла тяжелая ладонь, медленно

и неотвратно впечатывая ее лицо в каменную твердь мужского торса.

– Мне не нравятся такие штучки. – Слова теперь доносились до нее словно через толстый слой ваты. И воздуха в легких оставалось все меньше и меньше. Катя дернулась, пытаясь вырваться из медвежьих объятий. – Скажи, что извиняешься, что больше так не будешь.

Он издевается? Как она скажет, если не может даже дышать! Катя снова дернулась и выразительно захрипела. Хватка ослабла, ровно настолько, чтобы дать ей возможность сделать глоток воздуха.

– Урод, пусти!

Пальцы соскользнули с затылка, легонько сдавили шею, и Катя почувствовала себя пойманной за загривок кошкой.

– Не хами, лучше извинись. – Больно больше не было, и пальцы сжимали шею осторожно, даже поглаживали, кажется.

Она должна извиниться? За что?! С какой стати?!

Катя вдруг отчетливо представила, как они выглядят со стороны. Как милующаяся парочка влюбленных – вот как! И ничего страшного, что ее держат за загривок. Такая вот у них любовь... специфическая. Никто не придет ей на помощь, и когда неандерталец свернет ей шею, тело ее бедное так и останется лежать среди дюн в непотребном виде, без лифчика. Злость пересилила страх, и Катя почти решилась на крайние меры.

– ...Лихой! Ты что творишь?! – раздался совсем рядом зычный бас.

Она перестала вырываться, затаилась.

– Что это ты девушке голову откручиваешь? Поставь ее на место! Слышь, Лихой?! Разве можно так себя вести с дамой?

– С дамой нельзя, – согласился неандерталец, но Катю не отпустил, из чего она сделала вывод, что к славной когорте дам он ее не относит.

Она собрала остатки сил и гордости и впилась зубами в очень кстати подвернувшийся бицепс.

Неандерталец взвыл, разжал объятия, и потерявшая опору Катя шлепнулась задом на горячий песок.

- Бешеная! - прорычал мужик, потирая укушенную руку.

- Да что же это такое! - Перед Катей возникла озабоченная физиономия его дружка. Вот кто спас ее от удушения. Как мило!

- Нате вам, пожалуйста. - Взгляд ее спасителя был доброжелательным и лишь самую малость заинтригованным. В огромной лапище мужчина держал ее полотенце.

- Спасибо. - Катя торопливо прикрылась.

- Разрешите вам помочь? - Громила галантно поддержал ее под локоток и помог подняться. - Песок нынче горячий.

- Еще, чего доброго, ожог заработаешь. - Неандерталец разглядывал прокушенную руку. Куснула она его на славу, хоть какая-то отрада. А песок и в самом деле горячий...

Кате вдруг стало смешно, так смешно, что она расхохоталась. Лед и пламя! Ему, значит, лед, а ей, стало быть, пламя! Без специфических штук не обошлось, к обоюдному удовольствию. Или скорее неудовольствию...

- Видишь, Сема, девица не в себе! - прокомментировал ее смех неандерталец.

- Я думаю, милая барышня просто в шоке от пережитых страданий, - заступился за нее громила, и Катя мысленно с ним согласилась. Барышня была в шоке, чего уж там!

– У нее, Сема, огромный жизненный опыт. Она не может быть в шоке от такой мелочи, как обожженная задница.

Самое страшное уже позади. Вот этот грозный с виду увалень не позволит обидеть женщину. И можно продолжить пикировку и даже совершенно безнаказанно сказать неандертальцу какую-нибудь гадость, даже расцарапать морду при большом желании. Вот только сил совсем не осталось. И на душе паршиво. Катя не стала ничего говорить, принялась молча собирать вещи. А пока собирала, успела услышать:

– Лихой, ты с ума сошел? За что ты ее так?

– Ни за что. Пойдем уже, мне еще в медпункт надо зайти, сделать прививку от бешенства.

Захотелось запустить бутылкой из-под минералки в бритый затылок – со всей дури, чтобы до сотрясения мозга, чтобы запомнил. Не запустила. Потому что без толку, такого ничем не прошибешь.

– Вы простите его, милая барышня! – смущенно пробубнил громила. – Вообще-то он смирный. Видно, на солнышке перегрелся.

Катя ничего не ответила, даже не обернулась...

В медпункт Андрей не пошел, задавил в себе тревожный порыв. Рыжая, при ее профессии, запросто могла болеть чем-нибудь этаким – венерическим. Она же его укусила! Вот где темперамент! Хотя при чем тут темперамент? Это профессиональное. Она же садомазохистка. Даже скорее садистка, чем мазохистка. Может, для нее нет большей радости, чем вырвать кусок плоти из тела несчастного мужика!

За ужином Андрей был мрачен и неразговорчив. Ел без удовольствия, украдкой бросал на рыжую хмурые взгляды. Рыжая, в отличие от него, ужинала с аппетитом, слушала болтовню блондинистой соседки, изредка кивала. На Андрея не смотрела. Зато смотрела соседка. И когда поймала Андреев взгляд, улыбнулась кокетливо и призывно, а потом что-то зашептала на ухо

рыжей. Восхищалась, небось, его неземной красотой и мужественностью. А рыжая брезгливо поморщилась, сказала что-то, наверняка, какую-то гадость, потому что блондинка вдруг ахнула, прикрыла рот пухлой ладошкой и посмотрела на Андрея теперь уже с нескрываемой жалостью. Значит, точно гадость.

Андрей отложил вилку, встал из-за стола.

- Куда? - спросил Сема, не отрываясь от еды.

- Старику звонить. - Если уж портить настроение, то окончательно и бесповоротно.

Сема перестал жевать, посмотрел с сочувствием.

- Ни пуха ни пера, - сказал после драматичной паузы.

- К черту...

* * *

В отделении милиции Андрюхе не дали даже словом перемолвиться с Ленкой. Ее, переставшую наконец плакать, но все равно дико озирающуюся по сторонам, увела с собой какая-то тетка в милицейской форме. Все, что происходило потом, когда худенькая Ленкина фигурка растворилась в полумраке длинного коридора, Андрюха помнил смутно. Кажется, его осматривал врач. Потом какие-то люди в форме выдергивали его из блаженного забытья, задавали вопросы, на которые у него не было ответов.

Андрюхе вдруг стало все равно, какую статью дадут и на какой срок посадят. Он убил человека. Прямо на глазах у Ленки. Врач сказал, что у нее шок, и при этом смотрел на Андрюху с нескрываемым отвращением.

Он виноват. В том, что убил. В том, что из-за него Ленка должна мерзнуть в милицейском участке, дрожать и отвечать на вопросы незнакомых людей. Одно дело - он, хулиган, прогульщик, двоечник, а теперь еще и убийца. Он это заслужил. А зачем такое Ленке? Это единственное, что по-настоящему

волновало Андрюху Лиховцева в ту злополучную ночь. Это единственное, что он запомнил.

Нет, был еще один эпизод. Короткая встреча, короткий разговор...

Высокий мужчина с каменным лицом стоял перед Андрюхой, засунув руки в карманы дорогого кашемирового пальто.

– Ты заплатишь за все, что сделал с моей дочерью, щенок. Я прослежу, чтобы тебя посадили надолго! – Голос мужчины вибрировал от гнева. – Как ты посмел? Ты – ублюдок, быдло! Как ты посмел втянуть мою дочь во всю эту мерзость?! Что ты с ней сделал?

Андрюха молчал. Смотрел на свои посиневшие от холода руки и молчал. Ему нечего было сказать. Ленкин отец во всем прав...

Андрюхе дали шесть лет. Шесть лет исправительно-трудовой колонии для несовершеннолетних преступников. Судья, старинный приятель Ильи Игнатьевича Колесникова, не церемонился с выродком, разбойником и убийцей Андреем Лиховцевым. Тем более что подсудимый полностью признал свою вину. Тем более что нет смягчающих обстоятельств и свидетелей. Имя Леночки Колесниковой в деле не фигурировало...

Андрюха провел в колонии уже два года. За это время он успел повзрослеть и состариться. Он даже привык к жизни за колючей проволокой и научился устраиваться с максимально возможным комфортом. Он был достаточно сильным и достаточно злым, чтобы отвоевать себе право на место под солнцем. Пусть даже это было неласковое тюремное солнце. Многие его ненавидели, некоторые боялись. Он никого не боялся и не утруждал себя ненавистью. Он ни с кем не сблизился и всегда держался особняком. Никто не видел, чтобы он улыбался. Андрей Лиховцев «мотал срок» и считал годы, месяцы и дни, оставшиеся до освобождения, до встречи с Ленкой.

Он писал ей письма. Сначала каждый день, потом каждую неделю, потом каждый месяц. Не получал ответов, но с маниакальным упорством продолжал писать. Ленка, воспоминания о ней, письма к ней – это единственное, что у него осталось. Мать умерла вскоре после того, как Андрюха попал на зону,

не выдержала побоев очередного сожителя. Андрей горевал, даже плакал глухой ночью, с головой накрывшись одеялом. Теперь у него осталась только Ленка. Она должна его понять. Она должна его простить. Она же его любит...

...Семен Виноградов был единственным человеком на зоне, с которым Андрюха разговаривал. Сема пал жертвой собственной доверчивости и чужого злого умысла. Его использовали вслепую, как тягловую силу. Сосед, оборотистый и не единожды судимый за воровство, однажды попросил Сему, который уже в юные годы отличался силой и габаритами, помочь перенести кое-какие вещи. Сосед был мировой мужик, он не однажды чинил постоянно ломающийся Семина мопед и давал деньги в долг Семиной мамке. Как же не помочь такому хорошему человеку! Он и помогал: перетаскивал в соседский гараж мотоциклы, телевизоры, видики и многое другое. Через три месяца соседа арестовали, а вместе с ним и Сему...

Его соседом по нарам оказался мрачный парень со шрамом в пол-лица, не удосужившийся даже кивнуть на робкое Семино «здрасьте». Сема не обиделся. К грубости он привык. И к обидным прозвищам типа Жиртрест тоже. А чего обижаться, если при росте в сто девяносто четыре сантиметра он весил без малого сто пятьдесят кило? Он страдал из-за лишнего веса с раннего детства. Страдал и всячески с ним боролся: сидел на диете, бегал по утрам. Ничего не помогало. Возможно, из-за недостаточной силы воли, возможно, из-за неправильного обмена веществ. Что-то он такое слышал про веществ...

Зона встретила Сему неласково – издевками и пинками. Ничего другого он и не ожидал. Пацаны на зоне не могли быть лучше пацанов, оставшихся на воле. Вот только на воле можно убежать, спрятаться от своих обидчиков, а в колонии прятаться было негде...

Целый месяц Сема безропотно сносил издевательства, робко улыбался в ответ на злые шутки и тем самым еще больше бесил своих мучителей. Днем он еще как-то держался, а ночью, когда все засыпали, ревел в подушку. Сосед по нарам в травле не участвовал, лишь с молчаливым неодобрением наблюдал за Семиными страданиями. И на том спасибо. В отряде шептались, что Лихой лют и страшен в гневе, что может убить просто за косой взгляд. Поэтому Сема старался не встречаться с соседом даже взглядом. Береженого бог бережет. И когда однажды ночью, когда он самозабвенно жалел себя и размазывал по лицу слезы, скрипнули пружины соседской кровати и послышались

приближающиеся шаги, Сема едва не умер от страха.

– Долго еще ты собираешься сырость разводить? – слышался над самым ухом раздраженный шепот. – Эй ты, я тебя спрашиваю! – Одежало слетело на пол, Сема прикрыл голову руками, приготовился...

– Вот дурак... Подвинься. – Скрипнули пружины. На сей раз его койки. Лихой присел рядом. – Давай поговорим.

Разговор получился недолгим. Говорил в основном Лихой, а Сема лишь согласно кивал в ответ. Сосед вернулся на свое место, а он, растерянный и озадаченный, пролежал с открытыми глазами до самого рассвета.

Утром для Семы началась совсем другая жизнь. Он даже представить не мог, что с ним, жирным и безвольным Семой Виноградовым, может такое случиться. Лихой одним лишь многозначительным взглядом да короткой фразой дал всем понять, что Сема теперь под его защитой, и любой, кто обидит его друга – друга! – наживет большие неприятности.

Связываться с Лихим не хотели и от Семы отстали. Но это было лишь начало. Лихой взялся за Сему всерьез. Разговоры по ночам, изматывающие занятия в тюремной качалке вечерами. Сема пахал, истекал потом, изнемогал от бессонницы и усталости, но чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Впервые у него появился настоящий друг, пусть жесткий, немногословный, иногда нетерпимый, но зато настоящий. Самого себя Лихой тоже не щадил. Сема не переставал удивляться, откуда у него это упорство и стремление стать лучше. Лихой и так казался ему совершенством.

– Зачем тебе это? – спрашивал Сема.

– Что – это? – хмурился Лихой. – У меня ничего нет. Это, – показывал он на свои тренированные мышцы, – ничто. Важно, что у тебя вот тут, в голове. Понимаешь?

Сема не понимал, но согласно кивал в ответ. И постепенно, незаметно для самого себя превратился в другого человека, избавился от жира и приобрел определенный рельеф. А потом как-то вдруг понял, что вместе с телом изменилась и его суть. Теперь он смотрел на мир совсем другими глазами. Теперь никто не смел его оскорблять. И не потому, что Лихой запретил,

а потому, что Сема мог постоять за себя. Наверное, теперь он сам смог бы защитить Лихого от любой напасти. Ну, или от большинства напастей, тех, которые можно решить с помощью силы. Вот только Андрюха говорил, что решить силой можно далеко не все. Над этим Семе еще предстояло подумать...

...Не сказать, что три года, проведенные в колонии, пролетели как один миг, но все-таки они прошли. Андрюху никто не навещал, и он почти свыкся с мыслью, что там, на воле, никому нет до него дела. Поэтому, услышав, что к нему пришли, сначала удивился, а потом, враз покрывшись холодным потом от неожиданной надежды, вдруг подумал, что это Ленка...

Это была не Ленка. В комнате для свиданий его ждали двое мужчин. Первый, невзрачный мужичок в очках и мышинного цвета костюме, сидя за столом, изучал какие-то бумаги. На застывшего на пороге Андрюху он посмотрел поверх стекол очков, указал на стоящий напротив стул:

– Присаживайтесь, молодой человек. Меня зовут Игорь Всеволодович Белявский. Я ваш адвокат.

Разговаривать про адвокатов на зоне любили. Рассказы об адвокатах были больше похожи на легенды, чем на правду. Андрюха не верил. И подходить к столу тоже не спешил. Он смотрел на мужчину у дальней стены, за спиной у адвоката. Высокий, худой, с волосами совершенно седыми, но все еще густыми. Он разглядывал Андрюху, но не спешил представляться.

– В вашем деле вскрылись новые обстоятельства, – сказал адвокат и раскрыл кожаную папку. – Сергей Алексеевич попросил меня поспособствовать пересмотру дела и вашему досрочному освобождению.

До Андрюхи наконец стал доходить смысл сказанного, и в ногах вдруг появилась предательская слабость, такая, что пришлось все-таки присесть.

– Кто такой Сергей Алексеевич? – спросил он. Нужно было спросить о другом, об обстоятельствах, которые вскрылись, и о перспективах, которые готовы были открыться, но этот вопрос казался ему намного более важным.

Незнакомец у стены посмотрел на Андрея в упор. И от его взгляда у Андрюхи нестерпимо зачесался шрам.

– Это ведь вы?

Незнакомец не ответил и отвернулся. Словно не услышал, словно не было ему никакого дела до Андрюхи.

– Я как раз собирался вам сказать, молодой человек, – подал голос адвокат, – что Сергей Алексеевич Бердников является вашим родственником. Так сказать, вновь приобретенным. Он...

Родственник. Сергей Алексеевич? А он Андрей Сергеевич. Неужели это значит...

Андрюха не успел додумать, что это может значить.

– Вы мой отец? – спросил и сам испугался своей смелости, того, что сказанное может в самом деле оказаться правдой.

– Я не твой отец! – Лицо стоящего у стены мужчины исказила гримаса не то боли, не то отвращения. – Я не твой отец, – медленно повторил он. – Я твой... дед, – последние слова дались ему с явным трудом.

* * *

Этот мальчишка... Как же он был похож на Сережу! Те же волосы, те же глаза и скулы, даже взгляд такой же. Его внук.

Но думать о нем как о внуке нельзя. Нельзя забывать, что перед ним не наивный мальчишка, а преступник. Волчонок, узнавший вкус крови. Убийца. Если бы Сережа не погиб, все пошло бы по-другому. Но он погиб. И оставил после себя этого звереныша. Родная кровь, единственный наследник. С этим ничего не поделат, с этим придется смириться. А вот с остальным, с дурной наследственностью, нужно бороться жестоко и беспощадно. Иначе все впустую. Иначе незачем жить.

Сергей Алексеевич устало прикрыл глаза. Было время, когда он надеялся, что все еще пойдет хорошо. У него, молодого, успешного, обеспеченного, была семья: жена-красавица, маленький сын. А потом он чем-то прогневил Бога. Жена сгорела от рака за полгода. Не помогли ни его любовь, ни его деньги...

Он горевал, он не хотел жить, но ради десятилетнего сына взял себя в руки. Он пытался стать идеальным отцом. За предельно короткие сроки сделал невероятную карьеру в торгпредстве. И все ради Сережи, для того, чтобы у мальчика было все. Ради сына он отказался от повторного брака. Он мечтал, что Сережа вырастет, выучится, пойдет по его стопам, станет уважаемым человеком.

Сын вырос, стараниями Сергея Алексеевича поступил в МГИМО. Хороший мальчик из хорошей семьи – умный, перспективный. А потом все как-то внезапно разладилось, пошло кувырком. Сергей Алексеевич даже знал, с чего все началось – с долгожданного назначения в Париж. Уезжая, он думал, что Сережа уже взрослый, справится.

Сережа не справился. Связь оборвалась спустя год. Сын перестал отвечать на письма, не подходил к телефону. И Сергей Алексеевич бросил все, вернулся. К тому времени он уже знал правду. О правде рассказали оставшиеся в Москве знакомые. Его единственный сын, его гордость и надежда, отчислен за неуспеваемость и ведет аморальный образ жизни. Его единственный сын!

...Дверь Сергею Алексеевичу открыла незнакомая девица в безразмерном балахоне с длинными, давно не мытыми волосами.

– Вам кого? – Девица окинула его мутным взглядом, заложила за ухо сальную прядь.

Возможно, впервые в жизни он растерялся, не нашелся, что ответить. А потом из квартиры – его квартиры! – донеслись голоса и громкий смех. Властным движением Сергей Алексеевич отодвинул девицу в сторону. К тому, что его ждало, он был уже почти готов.

В лишенной мебели и от этого непривычно большой и гулкой гостиной было нечем дышать. Смердный, сладковатый дух врывается в ноздри, вызывая дурноту. Они лежали и сидели прямо на голом полу. Девушки, точные копии той,

что открыла ему дверь. Субтильные парни, омерзительные в этой своей субтильности. Сергей Алексеевич застыл на пороге, выискивая глазами сына.

– Папа?! – Один из парней попытался встать на ноги. Не сразу, но ему удалось. И даже приблизиться удалось, и стоять ровно, почти не шатаясь. – Здравствуй, папа. – Идиотская улыбка и плавающий взгляд. – А мы вот... отдыхаем. – От него пахло перегаром и давно немытым телом. – Ты бы это... предупредил, что собираешься приехать. Я бы тебя встретил.

Он говорил громко, даже визгливо. И остальные, которые уже не люди, решили, что им ничего не грозит. Загремела музыка, зазвенели стаканы, кто-то закурил, судя по запаху, марихуану. Его сын превратил квартиру в притон для этих вонючих и малахольных, опорочил честь и доброе имя отца, обманул ожидания. Черная волна ярости накрыла Сергея Алексеевича с головой, превратила едва ли не в безумца.

– Вон! Все пошли вон! Немедленно!

Сергей Алексеевич еще что-то кричал. Он метался по комнате, расшвыривая попадающихся под руку субтильных засранцев. А когда пришел в себя, в квартире больше никого не осталось. Почти никого. Протрезвевший сын и девица в балахоне испуганно жались к стене.

– Ты меня слышала?! – На девицу он посмотрел так, что та вздрогнула. – Пошла вон!

– Папа, это Лера. Она не может уйти, – сказал Сережа и посмотрел как-то странно, то ли с надеждой, то ли с вызовом.

– Плевать, пусть убирается. – Сергей Алексеевич настежь распахнул окно, впуская в комнату свежий воздух. Силы остались только на то, чтобы вот так стоять у окна и дышать полной грудью.

– Это невозможно, – голос сына неожиданно окреп.

– Почему? – Ему и в самом деле было интересно, почему.

– Лера моя жена. Будущая жена...

– Будущая жена... – Головная боль стальным обручем стиснула виски. Наверное, это было даже хорошо, меньше рисков сделать что-нибудь... необдуманное. И с Сережей, и с этой его... женой.

– Ей некуда идти, – сказал сын и обнял девицу за плечи. – Понимаешь, она не москвичка, приехала поступать в театральный и... не поступила.

А как же иначе! Если поступать, то только в театральный, а если выходить замуж, то только за москвича! Ушлая и хитрая, на все готовая, чтобы зацепиться за эту новую, недоступную жизнь. Пусть бы цеплялась – плевать. Но не за его единственного сына!

– Пошла вон, – сказал Сергей Алексеевич очень тихо, но как-то так, что этим двоим сразу стало понятно – он не шутит. – Чтобы через пять минут я тебя здесь не видел.

Пять минут – это слишком много. Он не выдержит. А впереди еще разговор с сыном, очень серьезный разговор.

Она не сдвинулась с места. Стояла, тарасила по-коровьи большие глаза, всхлипывала, но уходить не собиралась.

– Папа, есть одно обстоятельство. – Сережа улыбнулся ему заискивающе, раньше он никогда так не улыбался. – Лера ждет ребенка. От меня.

Небеса не рухнули на землю. Ничего не изменилось и не дрогнуло в его враз окаменевшем сердце. Будет больно, но он должен решить все сейчас, раз и навсегда. Беременность какой-то провинциальной идиотки не являлась обстоятельством непреодолимой силы. Эта беременность не имела ни к нему, ни к его сыну никакого отношения. Какая-то абстрактная девица с абстрактной беременностью. Сергей Алексеевич выразительно посмотрел на часы.

– У тебя осталось четыре минуты, – сказал равнодушно.

Девушка разрыдалась. Она плакала, некрасиво, по-бабьи подвивая, размазывая по отечному лицу слезы и остатки косметики.

- Папа, ты не можешь...

- Папа может все, - заверил он сына и потер виски. Головная боль усиливалась.

- Тогда я уйду вместе с Лерой.

Это был аргумент. В любое другое время, при других обстоятельствах он наверняка бы подействовал. Но время и обстоятельства изменились. Да и сам Сергей Алексеевич изменился за последние двадцать минут. Он слишком безоглядно любил своего сына, слишком многое ему позволял. В том, что случилось, есть и его вина. Наступило время принятия трудных решений.

- Уходи.

Сергея дернуло, как от удара, даже руку к щеке прижал. Вот такой по-детски беспомощный жест.

- Я уйду, - повторил он, все еще надеясь, что его просто не поняли, не осмыслили этой по-настоящему серьезной потери.

- Ты вырос. Ты уже достаточно взрослый, чтобы принимать решения. Можешь уйти с этой своей... женой. - Слова давались с трудом, сопротивлялись, застревали в горле, но Сергей Алексеевич справился. - Теперь и проблемы ты будешь решать самостоятельно. А хочешь, оставайся, и я помогу тебе выбраться из этого болота. Решай!

- Я решил, - сказал Сергей. В голосе его не было уверенности, но иногда, чтобы принять неправильное решение, достаточно одной лишь гордости. - Пойдем, Лера.

Они собрались за считанные минуты. Рюкзак, дорожная сумка и гитара - вот и весь багаж. И Сергей Алексеевич не выдержал, дал слабину.

- Оставь адрес, - сказал на прощание.

Сын молча нацарапал что-то на обрывке старой газеты.

- Прощай, отец.

- Прощай.

Когда за его единственным ребенком захлопнулась дверь, Сергей Алексеевич аккуратно положил клочок газеты с адресом в нагрудный карман и поднял с пола уцелевшую после устроенного им погрома полупустую бутылку. Сердце разрывалось на части, голова грозила расколоться от боли. Алкоголь сделает только хуже. Он это прекрасно понимал, но все равно протер горлышко бутылки рукавом и вылил в себя остатки водки...

...Осень пришла внезапно, словно и не было зимы, весны, лета, словно кто-то вычеркнул целый год из его жизни и оставил только осень - сырую, промозглую, ветреную. Сергей Алексеевич снял руки с руля, нашарил в «бардачке» пачку сигарет, закурил. С того места, где он припарковал машину, хорошо просматривалась панельная пятиэтажка. Обычный серый дом, какими застроена большая часть этого захолустного городка. Некрасиво, неудобно, убого... Странно, что раньше он не замечал этого убожества. А теперь вот заметил. Может, потому, что в этой пятиэтажной хрущевке жил его сын?

Они не виделись почти год. Этого времени Сергею Алексеевичу хватило, чтобы все взвесить и принять решение. Сережа его единственный ребенок. И что бы тот не натворил, нельзя оставлять его без поддержки. Нельзя позволить своему сыну заживо сгнить в этом гиблом месте.

Разнорабочий, подумать только! Отказаться от блестящих перспектив, от карьеры дипломата, чтобы стать разнорабочим! И ради кого? Ради женщины, лаской заманившей в ловушку, обрезавшей крылья, лишившей мечты. Ради женщины и ее выродка, которого Сережа по какому-то чудовищному недоразумению считает своим сыном. Сергей Алексеевич отыскал глазами четвертый этаж. Вон она, их квартира. Серые, давно некрашенные оконные рамы, простенькие занавески, ползунки и распашонки, развешанные на балконе...

Он сделал последнюю затяжку, выбросил окурок в приоткрытое окно. Сын должен скоро вернуться со смены. Отец подождет его возле дома. Мысль, что можно выйти из машины, подняться на четвертый этаж и позвонить в дверь, он отменил сразу. Там, на четвертом этаже, женщина, отнявшая его единственного сына, и ребенок, зачатый бог весть от кого. Ему нечего там делать.

Было и еще кое-что. Где-то в самых потаенных уголках души притаилась мысль. Что, если ребенок окажется похожим на Сережу, настолько похожим, что не останется никаких сомнений? Как тогда быть?.. Он знал, как быть: не впускать в сердце эту пропахшую бедностью и безнадеей чужую жизнь. У Сережи еще все впереди: и карьера, и нормальная семья. А сам он еще понаблюдает с внуками. Потом, когда все уладит.

Он задумался так глубоко, что не сразу заметил сына. Сережа изменился. Не было больше избалованного мальчишки с длинными волосами и взглядом наркомана. Он как-то внезапно стал взрослым. Короткий ежик волос, заострившиеся черты лица, мозоли и черная меланхолия во взгляде. Меланхолия и вспыхнувшая вдруг надежда. Они проговорили несколько часов кряду, сидя в вонючем, пахнущем хлоркой и пролитым пивом баре. В тот раз Сергей Алексеевич уехал ни с чем. Он попытался смириться и почти преуспел в этом, когда через три месяца Сережа появился на пороге его квартиры с рюкзаком в руках...

– Папа, я больше не могу, – сказал он вместо приветствия. – Я хочу начать все сначала.

И они начали все сначала. О женщине и ребенке никто из них больше не заговаривал и, наверное, не вспоминал. Легко забыть то, что причиняет боль. Важно, что теперь у них все будет хорошо. Не может не быть.

Сережа восстановился в институте, закончил учебу, устроился на хорошую работу. Казалось бы, все хорошо, но Сергей Алексеевич знал – в сыне что-то необратимо сломалось, а черная меланхолия навсегда поселилась во взгляде. Новой семьей он обзаводиться не спешил, но и о старой не вспоминал.

В лихие девяностые Сергей Алексеевич ожидаемо воспользовался наработанными за долгие годы связями, удачно вложил накопленный капитал и ушел в бизнес. Скромная фирма, специализирующаяся на продаже оргтехники,

заняла свою нишу на молодом российском рынке. Чутье и опыт не подвели, Сергей Алексеевич раньше многих понял, что будущее за компьютерными технологиями, и уже через десять лет его компания стала безусловным лидером в этой области. Открывающиеся горизонты завораживали, вот только человеку, ради которого создавалась эта огромная империя, как оказалось, ничего не нужно.

Сергей Алексеевич с головой ушел в дело всей своей жизни и упустил момент, когда его сын начал пить. Он почти смирился, что Сережа – человек «без хребта», но с пьянством и стремительной деградацией мириться не желал.

Не помогали ни ведущие мировые специалисты, ни дорогостоящие курсы реабилитации. Сережа уничтожал себя сознательно и целенаправленно, отказываясь жить в ладу с миром и с самим собой. Наверное поэтому, когда Сергею Алексеевичу сообщили, что его сын в реанимации, ни один мускул не дрогнул на лице отца. Он каждый день ждал, что случится что-то непоправимое. Он так устал от этого ожидания, что сил на нормальные человеческие эмоции не осталось.

Сережа умер, не приходя в сознание. Врачи говорили что-то про острую печеночную недостаточность, про изношенное сердце, но Сергей Алексеевич ничего не слышал. Он прислушивался к звенящей пустоте внутри себя. Что в этой жизни он сделал неправильно? Какой проступок привел его к этой гулкой пустоте, в которой нет места ни горю, ни сожалению, ни боли?..

Сергей Алексеевич похоронил сына и вычеркнул его из памяти и из своего сердца. Во всяком случае, так казалось окружающим. Он работал до изнеможения и требовал стопроцентной отдачи от других. Он стал деспотом, жестоким и беспощадным. Существовать рядом с ним с каждым днем становилось все тяжелее. Если бы не огромные деньги, которые он платил самым преданным своим сотрудникам, очень скоро он остался бы совсем один.

Правды не знал никто. Одиночество – вот единственное, чего боялся Сергей Алексеевич Бердников. Одиночества и, может быть, еще пустоты, которая после смерти сына стала его неизменной спутницей. Он не хотел состариться и умереть в одиночестве и пустоте.

Мысль, что, возможно, не все потеряно, родилась не внезапно. Несколько долгих лет она робко бродила где-то на задворках сознания, пока наконец не оформилась окончательно.

Ведь есть мальчишка. Сергей Алексеевич почти заставил себя забыть об этом ребенке. А что, если он ошибся тогда, много лет лет назад? Что, если у него есть внук? Впервые пустота отступила, уступив место надежде. Через месяц на его рабочем столе лежала папка с досье на Андрея Сергеевича Лиховцева. С фотографии смотрел Сережа. И даже уродливый шрам, пересекавший его левую щеку, не мог скрыть поразительного сходства. В том, что этот хмурый, наголо бритый парнишка со шрамом и девчоночьими ресницами – его внук, не было никаких сомнений. Но вот досье... Его единственный родственник – уголовник. И не просто уголовник, а убийца...

У Сергея Алексеевича была возможность передумать, отказаться от своего решения. Никто не узнает и никто не осудит. В мальчике течет дурная кровь: мать – аферистка и алкоголичка, отец – бесхребетный человек. Что из такого выйдет? Сергей Алексеевич повертел в руках фотографию и снял телефонную трубку.

Его деньги, его влияние вкупе с профессионализмом одного из самых маститых адвокатов страны позволили добиться пересмотра дела. Всплыли факты, не учтенные следствием, появились свидетели, фамилии которых даже не упоминались в протоколах. У Сергея Алексеевича не осталось сомнений, что очень скоро мальчишка окажется на свободе. Вот тогда и начнется самое тяжелое...

Теперь же, заглянув в глаза сидящему напротив парню, он еще раз убедился, что борьба предстоит нелегкая: и с дурной кровью, и с характером, и со звериной сутью. Но самое главное – с собственным отвращением.

У них как-то сразу не заладилось. Возможно, из-за той, самой первой встречи, когда Сергей Алексеевич не смог скрыть брезгливость и разочарование. Наверное, мальчишка почувствовал это звериным своим чутьем и закрылся. Момент для сближения оказался безвозвратно упущен, но Сергей Алексеевич был этому даже рад. Может, отчаянный и свирепый волчонок – это все-таки лучше, чем ласковый, но бесхребетный щенок? Пусть так! Однажды он уже пытался действовать с помощью одних только пряников. Время показало, что это неправильный путь. Теперь он постарается не повторять своих ошибок.

Пряники закончились...

* * *

– Как прошла беседа с родственником? – В баре гремела музыка, и Семе приходилось почти кричать, чтобы его услышали.

Андрей безнадежно махнул рукой, уселся напротив.

– Будешь? – Сема сунул ему в руку бутылку холодного пива. – Ну так что?

– Хоть бы что! – Пиво не имело вкуса. Во всяком случае, Андрею так показалось.

– Хотелось бы больше конкретики.

– Если больше конкретики, то я женюсь...

...Разговор со Стариком получился не из приятных. Дела обстояли даже хуже, чем Андрей предполагал, а уж он-то точно не был склонен к беспочвенному оптимизму. На его памяти Старик ни разу не отказывался от принятого решения. И от этого, безумного и почти неосуществимого – во всяком случае, еще пару дней назад Андрею так казалось, – тоже не откажется.

Старик решил, что Андрею пора остепениться. И лучшими в мире кандалами ему виделась семья. Чтобы жена и выводок детей! Не у него, а у Андрея. Семья, знаете ли, дисциплинирует, а дети спасают от глупостей и безумств. И вообще, время идет, Старик не молодеет и мечтает увидеть правнука, продолжателя рода. Можно подумать, Андрей – не продолжатель, а так, промежуточное звено.

Как водится, Андрей пожелание Старика проигнорировал. Тем более начиналось все если не слишком приятно, то уж точно безопасно. Старик взял за правило интересоваться его личной жизнью. Его поразительная осведомленность о вещах достаточно интимных, чтобы не обсуждать их за чашкой утреннего кофе, шокировала и бесила. На взгляд Андрея, личная жизнь существовала не для того, чтобы препарировать ее вот так – бесцеремонно. И женщины,

с которыми он предпочитал проводить время, существовали исключительно для удовольствия, а не для того, чтобы в один не слишком прекрасный момент получить статус законной супруги и повиснуть неподъемной гирей на шее. К слову, все без исключения Андреевы подружки Старика не устраивали, не соответствовали его высоким требованиям. А те, что соответствовали, категорически не нравились самому Андрею. Вот такой у них случился конфликт интересов. И конфликт этот мог бы тлеть еще долгие годы, если бы Старик не вздумалось выставить ультиматум...

Андрею предоставлялся год на то, чтобы остепениться и найти себе достойную жену. Разумеется, претендентку тщательно проверят на предмет достоинства и соответствия, но это уже частности, думать о которых Андрею ни к чему. Ему нужно думать исключительно о том, чтобы не ошибиться с выбором так, как некогда ошибся его отец.

Вот это было самым мерзким. С мертвым мужиком, которому по какой-то нелепой случайности довелось оказаться его отцом, Андрей не хотел иметь ничего общего, даже одинаковых ошибок. А Старик сказал, что года должно хватить, год – это и так очень щедро.

До конца отведенного Андрею срока оставалось чуть больше двух недель. Старик завел тот разговор первым.

– Наследник, – сказал он, не отрываясь от бумаг. – Мне нужен правнук. Не ублюдок, а законнорожденный ребенок.

Ублюдком был сам Андрей. Ублюдком, которому невероятно, просто сказочно повезло. Старик никогда не говорил об этом вслух, но слова не нужны, когда взгляд такой вот... выразительный.

– Думаете, я успею обзавестись потомством за две недели? – К Старик у Андрей всегда обращался на «вы», даже когда готов был вцепиться тому в глотку.

– Не позднее чем через три недели ты должен представить мне свою будущую жену. На остальное я дам тебе еще два года.

Остальное – это, надо думать, наследник. Тот самый, законнорожденный. Бастарды Старик не годятся.

– А если я не захочу? – Этот вопрос нужно было задавать раньше, сейчас уже слишком поздно. – Если я до сих пор не нашел достойную женщину?

– Тогда тебе придется доверить этот выбор мне. – Старик не шутил, он и впрямь был готов все решить за Андрея. Подумаешь, какая малость – найти подходящую женщину! – А если ты станешь упрямым, я тебя уничтожу, – добавил он будничным тоном и снова уткнулся в бумаги.

Уничтожит, можно не сомневаться! Перемелет в муку, разотрет в порошок. Не в физическом смысле – Старик законопослушный гражданин, – но у него достаточно рычагов давления, а Андрею есть что терять и за что бороться. И Старика ему не одолеть, по крайней мере сейчас. Сейчас силы неравны, и не получится ли так, что все, ради чего Андрей рвал жилы, пойдет псу под хвост? И годы учебы, когда приходилось сутками корпеть над книгами, заниматься с бесчисленными репетиторами, чтобы в максимально сжатые сроки наверстать упущенное в детстве. И каторжный труд во имя процветания компании, к которой он как-то вдруг привык и прикипел. Конечно, ни уже накопленный собственный капитал, ни диплом Сорбонны Старик у него не отнимет. Просто сделает так, что деньги нельзя будет пустить в дело, а специалист с дипломом Сорбонны окажется никому не нужным. Сил и влияния деда на это хватит. На обочине тоже есть жизнь, возможно, вполне благополучная, вот только Андрей так жить уже не сможет, потому что привык существовать в том же бешеном ритме, что и сам Старик. И Старик знает это не хуже его.

Но все-таки Андрей попытался. Хлопнул дверью, сбежал «на юга» в глупой детской надежде, что все как-нибудь само рассосется.

Не рассосалось...

– Мое условие ты знаешь. – Голос в трубке звучал ровно и буднично, словно со Стариком они расстались всего пару часов назад. – Твоя выходка дорого обходится компании. Не вынуждай меня принимать радикальные меры, о которых нам обоим потом придется пожалеть.

Старик о сделанном никогда не жалел, это Андрей знал наверняка. В его невидимой броне не имелось слабых мест. И слово он свое держал. Всегда, при любых обстоятельствах. Возможно, поэтому сделки с ним считались

нерушимыми. В этом была его сила и, возможно, слабость. Андрей улыбнулся. Хорошо, что Старик не видит его улыбки, ему бы не понравилось.

- Я женюсь, - сказал он и потер шрам. - В Москву вернусь уже с женой.

Старик победил, сделка состоится. Вот только в условиях не упоминалось о том, какой должна быть его избранница. Или какой не должна быть...

- Ты нашел себе жену на курорте? - Голос в трубке остался прежним, в нем не было ни удивления, ни злости, ни радости.

- Я привез ее с собой. Считайте эту поездку нашим предсвадебным путешествием.

- Я ее знаю?

- Нет, вы ее не знаете. Она мне слишком дорога, чтобы я рискнул ее с вами знакомить.

- Придется познакомиться.

- Познакомлю, когда вернемся.

- Андрей. - Старик очень редко называл его по имени, и сейчас это почти нежное обращение особенно настораживало. - Ты же не совершишь никакой глупости?

- Ни в коем случае, Сергей Алексеевич. Я собираюсь подчиниться вашей воле и исполнить свою часть сделки.

- Основным условием сделки является ребенок, - напомнил Старик. - Хорошенько подумай, готов ли ты завести ребенка от недостойной женщины?

- Она достойная женщина. Даже не сомневайтесь!

Родившийся план был исключительным по своей простоте и коварству. Андрей женится, и у него появится еще два года феры. За два года можно многое

успеть, особенно если знать, к чему готовиться. А Старик получит невестку. Какую – это уже другой вопрос...

– В таком случае мне нужна информация. Я хочу знать, в чьи руки вверяю судьбу своего единственного внука.

– Вам нужно досье на мою невесту?

– Всего лишь ее паспортные данные, досье соберут специально обученные люди.

– Нет. – Говорить Старика «нет» было даже приятно. Может, оттого, что редко получалось.

– Да! И не надо со мной спорить.

Андрей спорить не стал. Вместо этого он отключил мобильный. Со Старика станется вычислить пансионат и явиться незванным гостем, чтобы продолжить прерванную беседу. Значит, времени остается не так уж и много, нужно спешить.

Первая и, пожалуй, самая сложная задача заключалась в том, чтобы уговорить рыжую бестию выйти за него замуж. Причем сделать это нужно в рекордно короткие сроки, чтобы к тому моменту, когда состоится следующий разговор со Стариком, Андрей уже был женат. А дальше пусть себе проверяет, выясняет пикантные подробности биографии новой родственницы. Конечно, скандала не избежать, но его, Андрея, можно будет обвинить разве что в излишней поспешности. Так ведь дело молодое! Воспылал он страстью неземной к девице огненногривой, да так, что ждать не смог ни дня. А то, что девица оказалась тварью продажной, кто ж знал?! Любовь слепа...

Вот примерно в таком ключе он и изложил свои планы Семе. Сема слушал молча, не перебивал, а потом сказал:

– Ты, Лихой, похоже, совсем страх потерял. Он тебе такой финт не простит.

– А какой с меня спрос? – Андрей сделал большой глоток пива. – Я же не свою, я его волю собираюсь исполнить.

– Только вот больно вольно ты эту волю трактуешь.

В ответ Андрей пожал плечами. Несколько минут они сидели молча, а потом Сема не выдержал, спросил:

– И как ты собираешься ее уговаривать?

– Кого?

– Ее, жену свою будущую. Какой ей смысл во всем этом участвовать? Может, она вообще замужем!

– При ее-то профессии? – Андрей удивленно приподнял брови. – Такие замуж выходят только после выхода на заслуженный отдых, а ей до пенсии еще далеко.

– Так с какого перепуга она за тебя замуж пойдет, если ей до пенсии еще далеко?

– Я ее заинтересую.

– Как мужчина?

– Как деловой партнер. Предложу ей деньги.

– Ты ей уже предлагал. Забыл?

– Тогда речь шла об услуге совсем иного рода, да и суммы несоразмеримы. Как думаешь, двадцати тысяч евро ей хватит?

– Я думаю, она не согласится.

– Значит, придется повысить ставки. И отключи свой мобильный, чтобы Старик тебя не доставал.

– Не переживай, он меня в Москве достанет. – Сема флегматично пожал могучими плечами, а потом, понизив голос, сказал: – Готовься, Лихой, на горизонте появилась твоя будущая супруга.

Она и в самом деле появилась на горизонте с той самой блондинкой, которая в столовой сначала кокетничала и хихикала, а потом смотрела на Андрея с жалостью. Интересно, с чего вдруг?

– Сема, будь другом, нейтрализуй подругу. – Андрей тоже перешел на шепот.

Сема скосил взгляд на блондинку и с сомнением покачал головой.

– В твоем же вкусе дамочка. Пригласи ее на танец, угости коктейлем. Ну не мне же тебя учить!

– У тебя, как я погляжу, хорошему не научишься, – проворчал Сема, вставая из-за стола. – Тебе здешний климат явно не на пользу.

* * *

Катя страдала. Сбывались ее самые худшие опасения. Марья назначила ее своей курортной подружкой, и избавиться от этой навязанной и слишком беспокойной дружбы так, чтобы не обидеть соседку, не получалось. Впрочем, как и остаться в одиночестве. Этим вечером в планах у Кати был заплыв, но улизнуть незамеченной не получилось. Марья перехватила ее уже в дверях номера и вместо пляжа потащила на танцпол, «себя показать, на других посмотреть». Ни смотреть, ни уж тем более показывать Кате не хотелось. Она бы, может, и отказалась, но вдруг вспомнила дневное происшествие. Опыт и здравый смысл нашептывали, что вечерами неандертальцы становятся особенно буйными и неуправляемыми, и встречаться с ними на пустынном пляже не стоит. А на танцполе много людей. Можно либо затеряться в толпе, либо позвать на помощь. Это уже смотря по обстоятельствам.

На танцполе было не только многолюдно, но еще и очень шумно, а очередь к барной стойке, казалось, вытянулась на километр. Кате не хотелось ни еды, ни напитков. Хотелось Марье, а вот идти пришлось Кате. Марья осталась сторожить захваченный столик. Свободных столиков на курорте не хватало так же остро, как и свободных мужиков. Марья очень из-за этого переживала.

Наверное, все-таки не очень, потому что, когда Катя, отстояв очередь, вернулась наконец к столику с бутылкой газировки и пирожными, Марья исчезла. Может, за время Катиного отсутствия у нее сменились приоритеты? Или, что вероятнее, нашелся-таки свободный мужчина. Катя мысленно пожелала соседке удачи, присела к столу и потянулась за пирожным. К черту диеты – живем один раз!

– Любишь сладкое? – Голос был до боли знаком, а его хозяин до боли неприятен. Все-таки стоило пойти на пляж. По вечерам неандертальцы, оказывается, предпочитают культурный отдых.

Оборачиваться она не стала, но руку от пирожного убрала. Есть расхотелось.

– Не возражаешь, я присяду? – Неандерталец уселся напротив, подпер кулаком щеку, по случаю культурного отдыха гладко выбритую.

– Возражаю.

– Поздно, я уже сел. – В красноватом свете настольной лампы его обезображенное шрамом лицо выглядело демонически: жесткие линии, глубокие тени, зловещая улыбка. Почему он не сделает пластику? У него же наверняка водятся деньги. Что ж он ходит страшный, как чудовище Франкенштейна?

– Так встань и уйди. Никогда не поздно попытаться стать человеком.

Конечно, он не ушел, сидел, рассматривал ее и так и этак, словно оценивал.

– Что тебе нужно? – Терпение закончилось, а вот бутылка с газировкой все еще была полной. Это, конечно, не давешняя ледяная минералка, но в случае чего сойдет.

– Хочу сделать тебе предложение, – сказал неандерталец и вместе со стулом придвинулся поближе.

– Я отказываюсь.

– Я ведь его еще не озвучил.

– Озвучил. На пляже. – Больше Катя его не боялась. Даже если бы встретила глухой ночью в темной подворотне. Отбоялась?

– Это другое. Более масштабное.

– Куда уж масштабнее! До сих пор от оказанной чести опомниться не в силах.

– Но выслушать меня ты можешь?

– Выслушать могу. Но не стану.

Она бы ушла, но неандерталец перехватил ее запястье, мягко, но настойчиво вернул на место.

– Хорошо, тогда сразу перейду к сути. Обстоятельства вынуждают меня жениться.

– Как-то это не слишком оптимистично звучит.

– Это звучит не слишком оптимистично, потому что я собираюсь жениться на тебе.

Катя даже вырываться перестала, так удивилась оказанной ей чести.

– Не переживай, это чисто деловое предложение. Ничего личного. – Неандерталец перешел на доверительный шепот, но руку ее так и не выпустил. – Брак у нас с тобой будет фиктивным, но взаимовыгодным.

– Каким? – переспросила Катя на всякий случай.

– Фиктивным и взаимовыгодным – повторил он и улыбнулся. Лучше бы не улыбался... – Мы с тобой расписываемся, обмениваемся поцелуями, кольцами, клятвами и чем там еще принято обмениваться? В итоге у меня – статус женатого мужчины, а у тебя – двадцать тысяч евро, которые ты получишь сразу после нашего возвращения в Москву. В качестве жены ты будешь нужна мне два года, а потом мы тихо-мирно разбежимся. И не спеши отказываться. Подумай сама, со своими дуриками ты, конечно, зарабатываешь неплохо. Ну, я так думаю, – сказал и подмигнул этак многозначительно, словно и в самом деле понимал, о чем говорит. Или понимал?.. – Но там же тебе приходится... работать, а тут чистая выгода без всяких усилий с твоей стороны. Абсолютно без всяких усилий: моральных и... физических. Если ты понимаешь, о чем я.

Она понимала. Не все до конца, но суть. Вот прямо сейчас ее пытались арендовать на два года. Как квартиру...

– Подумай, дорогуша. – Неандерталец продолжал улыбаться. – Мы ведь с тобой знаем, что ты не стоишь двадцати тысяч евро, но ситуация у меня...

По гладко выбритой морде Катя врезала со всей силы, от души. Аж рука заболела. А он не шелохнулся, даже глазом не моргнул. Да и зачем ему моргать при таком вот волчьем взгляде? Он смотрел на Катю очень внимательно и, кажется, беззлобно, а потом вдруг сказал:

– Ладно, прости. Не надо было так... категорично.

– Вообще не надо было. Никак.

Она встала. Он встал следом, обошел столик, крепко сжал локоть, шепнул на ухо:

– Подожди, мы не договорились.

– И не договоримся.

– Назови свою цену.

– Пошел к черту! – Катя дернулась, высвобождая руку из тисков его пальцев.

– Это ведь реальная возможность для тебя. – Неандерталец говорил спокойно, словно вел деловые переговоры, словно в его предложении не было ничего непристойного. – Или тебе нравится заниматься тем, чем ты занимаешься? Тебе нравится вся эта... мерзость? – Его глаза были совсем близко. Черный колодец зрачка на светло-голубом, почти белом фоне.

Что он знает о мерзости? Что он вообще понимает в ее жизни?!

– Они же все ненормальные. Они же твари. – Теперь в голосе его было удивление – чистое, детское какое-то. Он и в самом деле не мог понять, как она согласилась на такую работу.

А она согласилась. Отчасти потому, что не до конца понимала, что ее ждет, с чем придется сталкиваться почти каждый день, с какой грязью. Ей даже казалось интересно сначала, этакий научный интерес. Молодая была, глупая, считай – идиотка. А когда поняла, прочувствовала все на своей шкуре, окунулась во всю мерзость с головой, не то чтобы стало поздно, но появился смысл терпеть. Рано или поздно привыкаешь ко всему, броня нарастает быстро, чтобы там ни говорили. И она привыкла. Почти... Но, наверное, все же не до конца, потому что вот этот отдых, пусть неидеальный, сумбурный, наполненный ненужными знакомствами и ненужными людьми, был лучшим из того, что случалось в ее жизни за последние несколько лет. Отдых – отдушина. И она никому не позволит все испортить.

– Мне нравится, – отчеканила она. – Меня все устраивает. И отпусти меня сейчас же, потому что, если не отпустишь, я закричу.

Руку он не сразу, но все-таки убрал, а потом сказал каким-то другим, смертельно усталым голосом.

– Все равно подумай. Я не буду таким, как они, эти твои... ненормальные. Фиктивный брак, никаких обязательств.

Всего на мгновение, на какую-то долю секунды, Кате показалось, что она видит его таким, какой он есть на самом деле – без маски, без шрама и наглого прищура. У него была своя собственная клетка, возможно, просторнее и комфортабельнее, чем ее, но все равно – клетка. И он тоже искал из нее выход.

Но все закончилось, мгновение не может длиться долго. Мужчина улыбнулся кривоватой ухмылкой и стал собой прежним. Или собой настоящим, Катя не поняла.

- Найди себе другую.

- Мне нужна ты.

- Почему я?

- Потому что.

Похоже, и в его клетке нашлось место парочке монстров, если он стал вот таким.

- Я пойду.

- Подожди, мы еще не договорили...

- ...Надеюсь, мы вам не помешали?

Спасение снова явилось в лице того самого громилы. Он обнимал за талию покрасневшую Марью. Вот, значит, куда она пропала. Отплясывала с этим... Думать о громиле плохо не получалось, Кате он нравился. Было в нем что-то человеческое.

- Катя, ты не скучала? Я вот отлучилась. Потанцевать. Семочка прекрасно танцует! - Марья кокетливо обмахивалась совершенно ненужной поздним вечером соломенной шляпкой и не сводила восторженного взгляда с громилы, которого, оказывается, звали Семочка. - Вы же не знакомы, я вас сейчас...

- Мы знакомы, - не слишком любезно перебила ее Катя. - Добрый вечер, Семен.

- Здравствуйте, Катя. Как отдыхается? - Семочка приветливо улыбнулся, бросил внимательный взгляд на неандертальца. Знал о его планах?

- Спасибо, было неплохо, но я уже ухожу.

– И бросишь такого милого молодого человека в одиночестве? – Марья как-то совсем уж по-свойски подмигнула неандертальцу, протянула руку для приветствия. – Здравствуйте, я Марья.

– Очень приятно, Андрей. – Протянутую руку он пожал, а не поцеловал, и во взгляде Марьи промелькнула тень досады. Милый молодой человек оказался недостаточно милым и не слишком галантным.

– А давайте выпьем за знакомство! – предложила она и обхватила Семена за необъятный бицепс.

– Я, пожалуй, пойду. Слишком шумно, голова разболелась. – Катя виновато улыбнулась Семену. Марью ее решение уйти не должно было сильно опечалить, два кавалера всяко лучше, чем один. А неандерталец по имени Андрей вообще не смотрел в ее сторону. Похоже, после несостоявшейся сделки потерял к Кате всякий интерес. Вот и хорошо, что потерял.

* * *

Их общая с Марьей комната встретила Катю благословенной тишиной, шум с танцпола сюда не долетал. Часы показывали половину одиннадцатого, еще не поздно для разговора с Лизой. Лиза так рано спать никогда не ложится.

Вай-фай в пансионате был устойчивый, и Катя лишний раз порадовалась, что взяла с собой ноутбук. Теперь сестре и Дениске она могла звонить каждый день. И это было очень хорошо. Когда близкие на связи, меньше поводов для беспокойства.

Повод появился, когда Лиза не вышла на связь. Не могла она не выйти! Не в половине одиннадцатого вечера! Означать это могло только одно – Лиза с Дениской в больнице. Руки дрожали, когда Катя набирала сообщение, и потом тоже дрожали, когда ждала от сестры ответа. А когда получила, расплакалась. Лиза уговаривала не волноваться, обещала позвонить утром, потому что сейчас позвонить у нее никак не получится, и ночью, наверное, тоже не получится, а утром она очень постарается. И Катя прождала всю ночь. Вернувшись к двум часам Марья сунулась было с разговорами, но заглянула в глаза и оставила в покое.

Лиза позвонила в шесть утра. И Кате хватило одного взгляда, чтобы понять, что все плохо. Не плохо в штатном режиме, когда можно сделать так, чтобы стало чуть-чуть получше, а плохо почти непоправимо.

– Они сказали, что время на исходе, все хуже, чем казалось. – Лиза говорила быстро, словно боялась, что Катя не даст ей договорить или она сама не сможет сказать то, что нужно. – Катя, я спросила, сколько времени у нас осталось. Я спросила, сколько осталось моему ребенку! Понимаешь?.. Мы же с тобой уже почти справились, почти собрали, а они сказали, что этого мало. Всего мало, Катя! И времени мало! И денег! Ему нужна другая операция, сложнее и дороже... Что мне делать? – Лиза расплакалась. Она научилась плакать тихо, совсем беззвучно, чтобы не пугать слезами Дениску. Катя тоже так умела.

– Не плачь, – сказала она шепотом, – Лиза, не плачь.

– А из Мюнхенской клиники пришел ответ на запрос. Они готовы нас принять, после стабилизации Денискиного состояния. И операцию все еще готовы провести. Но цена, Катя... это уже совсем другая цена! Катя, что мне делать? Мы же все продали, все, что только можно было. А кредит мне не дадут...

– Лиза, не плачь, пожалуйста. Как он сейчас?

– Ночью было очень плохо, сейчас его стабилизировали. Что ты хочешь сделать, Катя? Даже если ты сейчас вернешься, это ничего не изменит. Я простить себе не могу, что тянула. Надо было раньше... Не стоило надеяться, нужно было готовиться к самому худшему... Но они ведь говорили, что время еще есть, а теперь оказывается, что времени почти нет, а мы не готовы, у нас нет таких денег. Катя, я позвонила его отцу. Подумала, столько времени прошло, ведь люди же меняются, правда? Он не стал со мной даже разговаривать, просто повесил трубку. – Лиза вытерла мокрое лицо, а потом сказала с какой-то отчаянной решимостью. – Мне пора, я только на несколько минут заскочила, за вещами и тебе позвонить.

– Я найду деньги, – сказала Катя. – Я знаю, где их можно взять. Есть один вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-korsakova/nichego-lichnogo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)